

ЯЗЫК О ЯЗЫКЕ

STUDIA PHILOLOGICA

STUDIA PHILOLOGICA

ЯЗЫК О ЯЗЫКЕ

ПОД ОБЩЕМ РУКОВОДСТВОМ И РЕДАКЦИЕЙ

Н. Д. Арутюнян

ЯЗЫК О ЯЗЫКЕ

ПОД ОБЩИМ РУКОВОДСТВОМ И РЕДАКЦИЕЙ
Н. Д. Арутюновой

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2000

ББК 81.031
Я 41

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 98-04-16106

Я 41

Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 624 с. – (Studia Philologica).

ISBN 5-7859-0036-X

В книге впервые поставлена задача воссоздания концептуального образа языка и речевой деятельности человека по данным естественных языков. Рефлексия языка о языке зафиксирована в значениях слов и фразеологических сочетаний, образующих метаязык «естественной лингвистики». Авторы рассматривают такие понятия, как *язык, речь, слово, значение, смысл, говорить, голос* и др. Анализ выполнен в синхронном плане и в исторической перспективе.

Большое внимание уделено индоевропейским истокам метаязыка естественной лингвистики, его формированию в русском и в других славянских языках, особенностям функционирования метаязыковых слов и выражений в народной культуре и речевых актах, а также роли звучащей речи в процессе создания «языка о языке».

Книга предназначена для широкого круга филологов.

ББК 81.031

ЯЗЫК О ЯЗЫКЕ

Сборник статей

Издатель А. Кошелев
Корректор М. Н. Толстая

Подписано в печать 12.11.99. Формат 70х100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Баскервилл.

Усл. изд. л. 50,31. Заказ № 1388. Тираж 1000.

Издательство «Языки русской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ

<http://postman.ru/~lrc-mik>

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография "Наука"».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su), only the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0036-X

9 785785 900363 >

© Авторы, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Н. Д. Арутюнова. Введение.

Наивные размышления о наивной картине языка. 7

I. Историческая ретроспектива

К. Г. Красухин.

Слово, речь, язык, смысл: индоевропейские истоки 23

Н. П. Гринцер.

Лингвистические основы раннегреческой философии. 45

И. И. Макеева.

Языковые концепты в истории русского языка 63

С. В. Дегтев, И. И. Макеева.

Концепт *слово* в истории русского языка 156

С. М. Толстая.

Славянские параллели к русским *verba* и *nomina dicendi* 172

II. Ключевые ^{цеп}концепты «естественной» лингвистики

В. З. Демьянков.

Семантические роли и образы языка 193

И. Б. Левонтина.

Речь vs. *язык* в современном русском языке 271

И. Б. Левонтина.

Понятие *слова* в современном русском языке 290

И. М. Кобозева.

Две ипостаси содержания речи: *значение* и *смысл* 303

III. Речевая деятельность

Н. Б. Мечковская.

Метаязыковые глаголы в исторической перспективе:
образы речи в наивной картине языка. 363

Анна А. Зализняк.

Глагол *говорить*: Три этюда к словесному портрету 381

М. Я. Гловинская.

Глаголы со значением передачи информации 403

Н. Д. Арутюнова.

Феномен молчания 417

Н. Д. Арутюнова.

Показатели чужой речи *де, дескать, мол.*

К проблеме интерпретации речеповеденческих актов 437

IV. Номинация звучащей речи

Г. Е. Крейдлин.

Голос и тон в языке и речи 453

С. В. Кодзасов.

Голос: свойства, функции и номинации 502

Т. Е. Янко.

Глагол *гласить*: от звука к знаку 527

V. Языковые концепты в народной культуре

С. А. Ромашко.

Язык и речь в Ветхом завете 543

С. Е. Никитина.

Лингвистика фольклорного социума. 558

Н. И. Толстой, С. М. Толстая

Имя в контексте народной культуры. 597

Семантические роли и образы языка

1. Введение

Когда сейсмолог изучает землетрясения, его мало интересует значение слова *землетрясение* в обыденном языке. Не так дело обстоит в гуманитарных науках. Например, эпистемолог (для которого главный вопрос — «Что значит *знать* нечто, как мы достигаем этого знания и где границы знания вообще?») обязан хотя бы приблизительно представлять себе значение глагола *знать* [Everitt, Fisher 1995, 1—8]. Не менее законен в языкознании и в философии языка вопрос об употреблении и значении слова *язык*.

В философии языка значения слова *язык* разграничиваются по-разному¹. Каково же употребление слова *язык* в обыденном русском языке, существенное для философии языка? Эта постановка задачи напоминает проблематику 'аналитической философии'², в двух направлениях последней [Hacker 1996, 4]. В результате «логического анализа» (в смысле Фреге, Рассела и Уайтхеда) устраняется неадекватность обыденного языка (этим ограничивался Витгенштейн) и выводится «истинная» форма фактов (Рассел) [Shapere 1960, 279—280] (ср. также понятие *philosophical elucidation of language* [Ayer 1936/46, 83]). А при «концептуальном анализе» (Мур) устанавливается, какие правила обыденного языка нарушены в философских высказываниях типа: *Материальных предметов нет* и *Время не является реальностью* [Malcolm 1942, 113]. Мы же попытаемся, сочетая обе методики, учесть свойства человеческого языка, подаваемые через призму обыденной речи о языке.

Нашим **материалом** будет большой корпус контекстов слова *язык* в художественной литературе, как этого требует классический концептуальный анализ (в «путешествии по словам» [Black 1990, 4—6], впрочем, обычно отвлекающийся от фактической стороны [Ellis 1974, 91], [Fraas 1996, 78], ср. также [Langacker 1990, ix])³. Терминологическое употребление слова *язык* в лингвистике и в философии мы рассматриваем только изредка, поскольку оно часто не соответствует обыденному узусу [Chisholm 1951, 175], ср. [Geach 1980, 9]⁴. Так, лингвист конца 20 в. старательно разграничивает *речь* и *язык*, а «народной», или «на-

ивной», лингвистике (*folk linguistics*) — художественной и обыденной речи — такое разграничение чуждо, и языком часто называют результат речевой деятельности⁵, то есть, *речь*⁶. Например, предложения [*В Одессе*] *Язык Италии золотой / Звучит по улице веселой [...]* (Пушкин) и *Когда, пронзительнее свиста, / Я слышу английский язык [...]* (Мандельштам) перифразируются так: *Слышна (итальянская, английская) речь*. **Обыденное сознание видит язык через призму речи**, причем чаще как *локуцию*, в смысле А. Гардинера [Gardiner 1932] и Дж. Остина [Austin 1962], в отвлечении от результатов и целей речевого поступка, то есть, от *иллокуции* и *перлокуции*.

1.1. Буквальные и переносные значения: образы языка

Предварительная **группировка значений слова язык**, которую мы уточним в результате исследования (см. заключительный раздел), такова⁷:

1. «Лингвистический» язык:

- система словесного выражения мыслей, служащая средством общения людей, то есть, *langue* Ф. де Соссюра;
- разновидность речи, обладающая теми или иными характерными признаками: стиль, слог; то есть, язык в значении *parole*, ‘речь’;
- средство общения, не обязательно вербального (*язык музыки*); что-то вроде *langage*.

2. «Органический» язык: те употребления, в которых язык трактуется не просто как ‘орган в полости рта’ («анатомический язык»), а как ‘**орган речи**’⁸.

3. «Анатомо-гастрономический язык»: орган в полости рта, но вне речи; показ языка (преднамеренный или непреднамеренный) связан с симптоматикой и символикой, варьирующимися от культуры к культуре⁹.

4. «Маргинальные значения»: язык не как орган в полости рта и не как лингвистический язык.

Интеллект больше любит вещи, чем процессы и свойства, а языковые объекты не обладают независимой реальностью [Yngve 1986, 16]. Мы склонны праздновать победу над занимающей нас проблемой, только когда результат осязаем. Чтобы стать **предметом** размышлений и речи, лингвистический язык как абстракция должен быть **овеществлен**¹⁰, что и делает метафора (по своему определению)¹¹, помещая абстракции в трехмерное пространство [Aylwin 1985, 158—175]. Переносные значения, образы языка используются для создания терминов (катахреза) [Hallyn 1985, 111] и для формулировки теорий и гипотез [Boyd 1979], когда реифицируются и языковые средства, и само языковое общение [Guidry 1989, 44]. Образы языка, овеществленные инструменты означивания [Denis 1989, 11], меняют «прототипический контекст интерпретации» [Ballmer 1982, 521]. Одни образы орнаментальны, будучи *ментальной роскошью* (*mental luxuries*) [Ogden, Richards 1927,

60]. А другие — «несущие конструкции» дискурса [Störel 1997, 12—13]¹², и слово в них — не знак готовой мысли, а «средство добывать ее из рудников своей души и придавать ей высшую цену» [Потебня 1862, 152]. «Рабочие» образы слова *язык*¹³ являются не абберациями буквального смысла, а непосредственной данностью мысли; мышление совершается в образах, которые только задним числом оцениваются как тропы (ср. [Gibbs 1994, 1—17])¹⁴.

В данном очерке рассматриваются, в основном, избитые, «мертвые» метафоры, закрепленные русским узусом в обыденной речи (параллели из других языков приводятся только для более контрастного освещения русского материала). Мы покажем, как **лингвистический язык метафоризируется органическим языком**.

1.2. Что делает язык и что делают с его помощью: роли языка¹⁵

В предложении слова играют каждое свою **синтаксическую роль**: подлежащего (субъекта), сказуемого (предиката), дополнения, определения и т. п. В словаре же лексемам приписаны разные **значения**, которые группируются и классифицируются в зависимости от того, какие **понятия** денотируются в допустимых контекстах употребления словоформ.

Вслед за такими широко известными концепциями, как падежная грамматика, интерпретативная семантика, когнитивная грамматика, особенно семантика прототипов [Демьянков 1994], можно выделить промежуточную категорию описания — **семантические роли**, или просто **роли**¹⁶ слова в предложении, не обязательно прямо связанные с синтаксическими. Например, когда говорят, что концепт, выражаемый некоторым словом в предложении, «играет» семантическую роль агенса, имеют в виду, что в картине, входящей в смысл всего предложения, в данном месте (в данной «прорези») видится действующее одушевленное существо. Иначе говоря, для картины находится фрейм, в котором данный концепт соответствует заполнителю определенной «прорези» (слота). (Очень часто семантическую роль реализует типовой падеж, поэтому роли иногда называют семантическими падежами.) Фреймы идентифицируются как наборы ролей, или прорезей, представляющие ситуации. Когнитивисты полагают, что если один и тот же фрейм обслуживает на первый взгляд очень разные ситуации, значит, человек осознает (через призму своей речи) одну ситуацию (менее абстрактную) как образ другой (более абстрактной). Соотнесение семантических ролей с лексическими значениями слова *язык* в предложениях обыденного языка дает представление об образах языка в данной культуре.

Сведения о денотативном значении лексемы и о том, в каких из этих значений лексема может или не может выступать в той или иной роли, составляют **профиль понятия**, представляемого лексемой в ре-

чи. Этот профиль интерпретируется как набор образов понятия в речи¹⁷. В одних ролях лексема более органична, чем в других: многое зависит от ее природного «амплуа». Из наблюдений над разными употреблениями одной и той же лексемы в достаточно представительном корпусе текстов можно составить гипотетический многокрасочный портрет (а не просто профиль) соответствующего понятия.

При этом сферы интересов лексикографа-когнитивиста и философа не совпадают. Лексикографу наиболее интересно узнать, какие роли и в каких фреймах играет слово *язык*. Философ же стремится выяснить, каков сам по себе тот «актер», которого мы воспринимаем как более или менее удачного исполнителя ролей, лишь догадываясь о том, с каким трудом (или, наоборот, с какой легкостью) этому исполнителю даются все эти роли. Наша задача в данном очерке скорее лексикографическая, однако мы надеемся, что из полученной картины можно будет составить хотя бы предварительное представление о том, как язык видит себя.

1.3. План изложения

Сначала будет проанализирована предикация, употребляемая в высказываниях о языке. Различные семантические роли и образы *языка* выстраиваются на непрерывной «шкале предметности», от материальности (органический *язык*) — и затем к языку как воспринимаемой речи (не вполне материальному и не вполне идеальному) — к полному отсутствию материальности, к чему-то вроде *lingua mentalis* Г. В. Лейбница [Лейбниц 1704] и А. Вежбицкой [Wierzbicka 1996]. Затем будут рассмотрены оценочные атрибуты, эпитеты языка¹⁸, под углом зрения системы ценностей, связываемых с речью и языком, — так выявится образ 'идеального языка', *идеал* (в смысле [Lakoff, Johnson 1980]).

2. Лингвистический язык

В русском предложении лингвистический язык играет одну из четырех главных семантических ролей: *агенса*, *хранилища*, *инструмента-объекта* (роли инструмента и объекта трудно разграничить в исполнении слова *язык*) и *сцены*. Типовые падежи в русском языке, соответственно, таковы: именительный, локатив трехмерного пространства (когда отвечают на вопрос *в каком языке?*), инструментальный (творительный) и винительный, и локатив двухмерного пространства (когда отвечают на вопрос *на каком языке?*).

Симптомами *скрытой*, или *неявной*, семантической роли являются перифраз и атрибуты, указывающие на силу и выразительную мощь агенса, обширность хранилища, качество владения инструментом, красоту объекта самого по себе и широту сцены.

Выявление ролей и образов полезно для семантической типологии, для сопоставления типовых ролей лексем класса *язык* в других языках. Возьмем, к примеру, идею *говорить / писать / читать* и т. п. на *некотором языке* в «народно-лингвистическом» употреблении, то есть, в обыденной речи о предмете лингвистики. Внутренняя форма передачи такой идеи в разных языках различна, используют:

- инструментальную конструкцию: *говорить / сказать русским языком*;
- объектную конструкцию, не используемую в русском, но допустимую в английском¹⁹;
- двухмерный локатив с предлогом типа русского *на* (например: *на болгарском языке*); ср. в немецком *sagen Sie es auf deutsch* 'скажите это по-немецки' и в скандинавских языках, например, шведском: *att skriva på svenska* 'написать по-шведски' (впрочем, без слов *Sprache* и *språk* 'язык');
- трехмерный локатив, как по-английски²⁰, с предлогом типа русского *в*; по-русски такая конструкция невозможна;
- беспредложный локатив, как в устаревшем латышском выражении *runāt svešā mēlē* 'говорить на чужом языке';
- специальные наречные конструкции, но без слова *язык*: в русском *по-русски*, в литовском — *rusiškai / lietuviškai rašyti* 'по-русски / по-литовски писать', в татарском *татарча* 'по-татарски', в венгерском *magyarul* 'по-венгерски'.

Различны не только синтаксические конструкции, но и соотношения между ними. Так, следующее предложение можно перифразировать с обстоятельствами *по-арамейски*, *по-гречески*: *К стону начинавшей утихать толпы примешивались теперь и были различимы пронзительные выкрики глашатаев, повторявших одни на арамейском, другие на греческом языках все то, что прокричал с помоста прокуратор* (Булгаков). Предложение же *Словно тихая молния пронзил его неистовое сердце далекий голос, повторявший печально на неземном языке [...]* (А. Толстой) нельзя перифразировать с обстоятельством *по-неземному*; ср. также: *Говорят со мной коровы / На кивливом языке* (Есенин): то есть, коровы говорят языком / на языке, где изобилуют кивки.

Дело явно не в том, что *по-Х-ски* употребляется с ограниченным, «закрытым» (то есть заданным списком) множеством основ, ведь предложение: *Тогда менвиты запретили им разговаривать на арзакском языке, закрыли арзакские школы* (А. Волков) допускает перифраз с конструкцией *по-арзакски* (для выдуманной основы)²¹. Итак, для «народной лингвистики» существенно, какая **речевая продукция** может считаться «изготовленной» на каком-либо языке²² и какие **речевые действия** могут совершаться на некотором языке²³. Поэтому странно звучит: *Мы замолчали. Причем каждый молчал на своем языке* (Мелихан)²⁴. Ср. также: «*Вы читаете на всех языках?*» — «*Я листаю на всех языках. Уже без этого не могу!*» (Альтов).

Так мы подходим к границе между «народной лингвистикой» и «народной этикой языка». Например, одни считают, что лгут только на языке, который только для того и создан, по Ш. Талейрану: «Язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли». Другие же полагают, что солгать можно и без языка: *Недаром говорят, что женщинам верить нельзя: они лгут и с умыслом — языком, и без умысла — взглядом, улыбкой, румянцем, даже обмороками* (Гончаров).

Типичной для лингвистического языка является посессивная конструкция язык + существительное (обычно во множественном числе) в родительном падеже, или эквивалентное ему отыменное прилагательное. Зависимый член интерпретируется, как минимум, в двух смыслах, не всегда четко разграничиваемых:

— материал знаков (язык мимики, жестов, танца, цветов; мимический, словесный, звуковой, беззвучный, цветовой, музыкальный язык);

— пользователи языка (язык животных, математиков, любви, страстей; собачий, медвежий, птичий, математический язык).

Эти разновидности представлены отдельно в следующем предложении: *Еще до того, как сходились хозяева, обе собаки бежали друг к другу и коротко беседовали на собачьем языке жестов и взглядов: «Ты кто: он или она?»* (Троепольский). А в следующем предложении различить эти значения трудно: *А вы, часов кремлевские бои — / Язык пространства, сжатого до точки* (Мандельштам). Ведь пространство может интерпретироваться с одинаково сильной натяжкой как материал знаков и как пользователь.

Характеристика ментальности с помощью конструкции язык + Р. п. является избитым журналистским штампом²⁵: *Нынешняя официальная формула внешней политики, широко рекламированная не только советской дипломатией, которой позволительно говорить на условном языке своей профессии, но и Коминтерном, которому полагается говорить на языке революции, гласит: «Ни пяди чужой земли не хотим, но не уступим ни вершка и своей земли»* (Троцкий)²⁶.

Вариант посессива с предлогом у (конструкция язык у X-а) допускается, только когда зависимый член обозначает пользователей языка (для материала знаков он не разрешается, ср.: *Язык танца очень труден* и **Язык у танца очень труден*), и то далеко не для всех ролей лингвистического языка. Так, допустимы предложения: *Язык у басков довольно трудный*, несколько хуже: *Люблю я язык у англичан* и *Существительных очень мало в языке у туземцев* (соответственно, для объектного языка и языка-хранилища), но вряд ли можно сказать: *??На языке у басков это называется реквизицией* (для языка-сцены) и еще хуже: **Выражаясь языком у басков, врага нейтрализовали* (для языка-инструмента). Этого запрета нет в случае анатомического языка, например: *На языке у коровы образовалась мозоль*. Итак: **Чем менее объектна роль языка, тем менее допустима конструкция с предлогом у.**

Как мы увидим далее, лингвистический язык является в обыденной речи фантомом. Роль агенса для лингвистического (но не органического) языка в обыденной (нетерминологической) речи наименее естественна и часто является плодом поэтического изыска. В агентивной и объективной ролях обыденная речь чаще упоминает не лингвистический, а органический язык. *Язык* в роли объекта употребляется при предикатах знания, эмоционального отношения и т. п., подающих абстрактный объект без презумпции вещного существования²⁷. В роли инструмента лингвистический язык служит часто эмфазе и потому избыточен; предложения с ним перифразируются обстоятельствами со значением 'характерный стиль речепроизводства' (такими конструкциями, кстати, не говорят о речемыслительной деятельности). Складывается впечатление, что для обыденного (но не философского) сознания у названных ролей лингвистического языка просто нет постоянного исполнителя, о чем свидетельствует и тот факт, что, употребляя слово *язык*, мы даже не замечаем, как от одной семантической роли лингвистического языка нечаянно переходим к другой. Например, от роли объекта-инструмента — к агентивной и обратно²⁸. Если бы лингвистический язык не был фантомом, а обладал «жесткой десигнацией», такое перескакивание от роли к роли бросалось бы в глаза гораздо сильнее. Наконец, роли хранилища и сцены только условно можно назвать ролями: в театральном смысле их скорее можно отнести к реквизитам и/или к декорации. Это результат условности и неполной последовательности когнитивистской театральной метафоры.

2.1. Язык-агнс

По всем своим синтактико-семантическим проявлениям лингвистический язык нельзя назвать типичным агенсом²⁹, возможно, уместнее говорить о роли «влияющего агенса» (*l'influenceur*)³⁰. В любом случае мы имеем дело с олицетворением, а именно, с двумя его типами.

1. Свойства говорящего подаются как свойства его органического языка (например: *злой язык*). В силу своей «двойной феноменологии» [Merleau-Ponty 1953/60, 125], всякое высказывание говорит не только о своем объективном содержании, но и о говорящем, характеризуемом через призму этого сообщения. Высказывания о речи являются, в сущности, метавысказываниями, то есть высказываниями о высказываниях, характеризующими говорящего.

2. Язык воспринимается как гумбольдтовская *ἐνέργεια*, «деятельность, непрерывный творческий процесс созидания, осуществляемый индивидуальными речевыми актами» [Волошинов 1929, 59]³¹. Такое употребление более обычно в научных, чем в художественных текстах.

В обыденной речи агентивный лингвистический язык значительно менее обычен, чем олицетворение органического языка. Ино-

гда в этой роли нелегко разграничить лингвистический и органический языки.

Олицетворяется лингвистический язык, когда с языком *борются* или *спорят*: **Бороться** с малознакомым нам языком, да еще быть лишенными всех привычных забав—с этим, как я объяснил брату, мы примириться не могли (Набоков); *Но не будем спорить с языком* (Солженицын). По-русски вряд ли имеется в виду олицетворение лингвистического языка в конструкциях с предикатом *быть* (не)знакомым с + Т. п. (*быть* незнакомым с французским языком). В английском *to have a nodding acquaintance with French* (*tongue*, но лучше *language*), с образом шапочного, поверхностного знакомства, это олицетворение очевидно: можно приветственно кивать (*nod*) только человеку, а не его языковой системе.

Довольно просто отграничить лингвистический язык от органического по посессору. Так, в следующем предложении имеем лингвистический, а не органический язык, потому что у девических мечтаний не может быть органического языка: *Но, получив посланье Тани, / Онегин живо тронут был: / Язык девических мечтаний / В нем думы роem возмущил* (Пушкин).

Однако не всегда можно различить олицетворение лингвистического и органического языков по предикатам человека. Очеловеченный язык что-то любит, а чего-то не любит, к чему-то привык, а к чему-то равнодушен, что-то ищет и что-то находит,—все эти человеческие занятия присущи и лингвистическому, и органическому языку. Например: *Забыл я—и в груди моей / Родился тот ужасный крик, / Как будто с детства мой язык / К иному звуку не привык...* (Лермонтов); *Иногда мы хотим солгать, а Язык нам не дает* (Солженицын); [...] *Язык простолюдина должен знать свое место* (Стругацкие); *Язык чертов с незапамятных времен борется за независимость от мозгов* (Альтов). В предложении: *Ох, язык его—враг его* (Тургенев) имеется в виду сознание или подсознание человека, а говорится об органическом и лингвистическом языках одновременно. Особенно неоднозначны предложения в поэзии, типа: *язык, что крыса, копошится в соре, / выискивает что-то невзначай* (Бродский).

Злым и темпераментным бывает человек, а о злом и темпераментном языке говорят, имея в виду речь человека—и органический язык («злой орган»), и лингвистический язык («злой генератор речи»). Такое олицетворение особенно эксплицитно, когда ставят знак равенства между человеком и его языком: *Враги-то мои, злые-то языки эти все что заговорят, когда без шинели пойдешь?* (Достоевский). Впрочем, характер человека может вступать в противоречие с характером его языка (фрейдовским Оно, говорящим языком человека), например: *Человек ты прямой, благородный, благонравный—могу заявить, да язык-то у тебя ядовитый!* (Достоевский). В следующих предложениях установить, что

имеется в виду органический язык, можно из того, что язык сопоставляется с другими органами: *Тут несколько точек, ибо рассудок уже ничего не говорит, а говорят большею частью: язык, глаза и вслед за ними сердце, если оно имеется* (Лермонтов); *Поймите, что язык может скрыть истину, а глаза — никогда!* (Булгаков).

Является язык лингвистическим только в переносном смысле и в следующем примере: Лука Лукич. *Оробел, ваше бла... преос... сият...* (В сторону.) *Продал проклятый язык, продал!* (Гоголь). Здесь глагол *продать* синонимичен глаголу *выдать*, то есть подлежащее — болтливый органический язык, по продукции которого — по речи — узнают то, о чем следовало бы молчать; ср. конструкцию *узнать по языку, глазам, выражению лица* и т. п., перифразируемую как *узнать по функционированию языка, глаз* и т. п.

Особое место занимает идея *лживого / правдивого* языка³², имеющего значение ‘речь (лингвистический язык) и приемы речи лживого / правдивого человека’. Если бы говорилось о характеристике конкретного или абстрактного предмета, то скорее следовало бы ожидать атрибут *ложный / истинный* (или *правильный*), ср. *ложное / истинное высказывание, ложное / истинное впечатление*, а за пределами локуции — *ложная / истинная сыроежка*. *Ложный язык* имеет анатомическое значение: что-то выросло во рту, напоминает язык, но не *истинный язык*. (Этим русский язык отличается, например, от немецкого, где один и тот же атрибут относится и к агенсу, и к предмету: *eine falsche / wahre Aussage* ‘ложное / истинное высказывание’, *eine falsche Frau* ‘лживая (и/или ненастоящая) женщина’ и *eine falsche Zunge* ‘лживый / ложный язык’.) Тем не менее, нельзя однозначно квалифицировать *лживый язык* как лингвистический (язык, порождающий лживые речи), а не метонимический органический язык (орган речи лгуна).

Высказывания о лживости легче всего конструируются, когда органический язык получает атрибуты, характеризующие именно человека: *лживый, клеветнический язык* у честного и правдивого человека может быть разве что на приеме у психоаналитика. То же справедливо для других языков: немецкое *eine falsche Zunge*, норвежское *en svikefull tunge* и т. д., как нетрудно предсказать, означают лживость. Но плюс к этому, в других языках можем найти еще и нечто иное. Например, по-немецки *mit gespaltener Zunge reden*, буквально ‘говорить расщепленным языком’, значит ‘быть двуличным, двурушником’: одним людям говорить одно, а другим — противоположное, в результате чего наверняка солгать одному из двоих. Этот образ близок арабскому ذو لسين (дзу лисайни) — букв. обладатель (дзу) двух языков (форма родительного падежа двойственного числа) — ‘двуязычный, двуличный’. По-английски *tongue in (one's) cheek* (тж. *with (one's) tongue in (one's) cheek*) означает ‘говорить неискренне, лицемерно; иронически или насмешливо, издевательски’, что-то вроде русского *кукиш в кармане*.

2.2. Язык-хранилище

Язык-хранилище—в наибольшей степени система³³ (ср. *langue* Ф. де Соссюра), а потому является ролью лингвистического, а не органического языка. В обыденной речи язык сравнивают скорее с копилкой, складом, даже водохранилищем, чем с системой (хотя исходное значение слова *система* в греческом—все тот же ‘склад’), называя собранием или совокупностью³⁴ знаков, слов, выражений³⁵, что напоминает обыденное представление о знаниях. Предикаты, соответственно, обычно представлены глаголами местонахождения или передвижения в трехмерном пространстве. Словосочетание *словарный запас языка* по синтаксическому устройству напоминает словосочетание *скифская коллекция Эрмитажа*. Роль хранилища лексикализована в русском сочетании *сокровища языка*, в книжном английском *word-hoard*, в немецком *Wortschatz* и т. д.

В отличие от выражений типа *сказать на английском языке* (когда используется образ платформы, см. ниже), здесь имеется в виду коллекция или место ее хранения. Слова и выражения языка—что-то вроде предметов из такого собрания³⁶, например: *Только несколько слов в нашем языке осталось от этих племен* (А. Толстой). Если не удастся найти адекватного выражения, говорят, что в языке нет подходящих средств³⁷.

Продолжает роль хранилища картина, обыгранная в следующем предложении: [...] *И при слове «грядущее» из русского языка / выбегают черные мыши и всей оравой / отгрызают от лакомого куска / памяти, что твой сыр дырявый* (Бродский).

Качества языка как хранилища включают обширность и скудость, богатство и бедность, словом, то, чем характеризуются всякие коллекции: *Но затем, когда автору уже не до того, ввиду бурного разлива драмы, всякая иностранная слабость речи отбрасывается, русский стихийно обретает богатый язык коренного француза [...]* (Набоков); *И позабыла речь богов / Для скудных, странных языков, / Для песен степи, ей любезной...* (Пушкин); *О, нашей жизни скудная основа, / Куда как беден радости язык!* (Мандельштам). Богатство языка—в выразительных возможностях его: *Русский язык достаточно богат, он обладает всеми средствами для выражения самых тонких ощущений и оттенков мысли* (Горький).

Иногда в одном предложении качества языка как хранилища сочетаются с другими: *Вот слова, фразы и междометия, придирчиво выбранные ею [Элочкой Шукиной] из всего великого, многословного и русского языка* (Ильф и Петров). Особенно часто роль языка-хранилища реализуется творительным падежом, что вполне обычно для хранилища: *«Меня всегда поражает», сказала мисс Пратт, «как изумительно некоторые иностранцы—или, во всяком случае, натурализованные американцы—пользуются нашим богатым языком»* (Набоков).

Менее обычно высказывание [...] *не как бродяга, / Родным войду в родной язык* (Пастернак). В нем образ хранилища объединяется с образом

семьи (ср. *войти в чью-либо семью*), а все предложение равносильно заявке на бессмертие, поскольку язык-хранилище — более долговременное достояние человечества, чем отдельная личность.

Этот бессмертный и вечный язык человеческих ценностей может сравниваться и с водохранилищем, в которое «впадают» разные мелкие языки-речки разных людей, например: *Века все смелют, / Дни пройдут, / Людская речь / В один язык сольется. / Историк, сочиняя труд, / Над нашей рознью улыбнется* (Есенин); *Под чугуны твоих подков, / Размывая бессловесность, / Хлынут волны языков* (Пастернак); *Где с гордой лирой Мицкевича / Таинственно слился язык / Грузинских цариц и цариц / Из девичьих и базилик* (Пастернак). Образ ущелья, в котором протекает ручей, представлен в следующем примере: *Слаще пеня итальянской речи / Для меня родной язык, / Ибо в нем таинственно лепечет / Чужеземных арф родник* (Мандельштам).

2.3. Язык как объект с инструментальным предназначением

А. Ривароль однажды сказал: «Язык — это наше орудие; пуская его в ход, следует позаботиться, чтобы пружины в нем не скрипели». Язык как средство, инструмент, орудие фигурирует в многочисленных лингвистических определениях и до К. Бюлера³⁸, и после него³⁹. Однако далеко не всегда в философии языка принимают следующее положение: «Язык сродни орудиям труда; он тоже принадлежит к жизненно необходимым инструментам, представляя собой органон, подобный вещественным инструментам, то есть материальным средствам, не являющимся частями тела. Как и орудия труда, язык есть специально сконструированный посредник. Только на этого языкового посредника реагируют не материальные предметы, а живые существа, с которыми мы общаемся» [Бюлер 1934, 1—2]. Противники этого взгляда протестуют против выражений *специально конструируемый стимул*⁴⁰ и *инструмент коммуникации*⁴¹.

В инструментальной роли⁴² лингвистический язык часто трактуется как объект, что видно из употребления эпитетов. Часто полагают, что этим обыденный язык вводит в заблуждение, ведь лингвистический язык — процесс⁴³, а не предмет в обычном смысле слова. Если уж и считать языки предметами, то только «предметами культуры „третьего мира“» [Porrege, Eccles 1984, 76].

Инструментально-объектный язык в обыденной речи не различает сосюровские *langue* и *parole*, устойчиво имея в виду и *langue*, и *parole*, и *langage*. В таком употреблении слово *язык* относится одновременно:

- к речи, *parole*; именно речью достигают своих целей;
- к мастерству во владении языком (*language mastery, performance*), к степени компетентности в языке;
- к *langue* как системе выражения.

Все три значения фигурируют в выражениях *родной* (русский, отечественный, свой, наш) и *чужой* (чуждый, не наш, их) язык. Первая группа содержит презумпцию однозначной ясности выражения, при импликации «свое — значит освоенное, а потому понятное». *Непонятность родного языка* в обыденном сознании воспринимается как нонсенс или как признак «остранения»: *Язык сограждан стал мне как чужой, / В своей стране я словно иностранец* (Есенин); *Но с любопытством иностранки, / Плененной каждой новизной, / Глядела я, как мчатся санки, / И слушала язык родной* (Ахматова). У второй же группы — противоположная презумпция.

Освоение чужой ментальности подается как усвоение чужого языка: *Не все ли, русским языком / Владея слабо и с трудом, / Его так мило искажали, / И в их устах язык чужой / Не обратился ли в родной?* (Пушкин); *Поет ему и песни гор, / И песни Грузии счастливой, / И памяти нетерпеливой / Передает язык чужой* (Пушкин); *Но после к плену он привык, / Стал понимать чужой язык, / Был окрещен святым отцом [...]* (Лермонтов). Неосвоенный же чужой («их») язык, как и чуждая ментальность, естественно, нелогичны и неприятны. Кому приятно чувство, что что-то непонятно? Например: *Но красоты их безобразной / Я скоро таинство постиг, / И мне наскучил их несвязный / И оглушающий язык* (Лермонтов). Перефразируя известную поговорку, можем сформулировать правило «народной логики»: что для чуждой культуры любо, то для родной дурно.

2.3.1. Инструментальные конструкции: стиль речи

Язык-инструмент в нетерминологическом узусе обслуживает **производство, но не понимание речи**. Это видно из того, что лингвистический язык в роли инструмента принимают **предикаты выражения, речевой**, а не речемыслительной **деятельности** (ср. предикаты языка-сцены)⁴⁴. Так, можно *говорить, писать, рассказывать* **вычурным языком**, но не **понимать / думать вычурным языком*, потому что нельзя вообще **понимать / думать языком* (можно *понимать язык и думать на языке*, но это уже другие образы). Даже *изъясняться* предпочитают употреблять с предложным управлением, а не с творительным падежом: *Вот уже, слава богу, лет тридцать как бранят нас бедных за то, что мы по-русски не читаем, и не умеем (будто бы) изъясняться на отечественном языке* (Пушкин). *Изъясняться* сводимо просто к речи только при забвении внутренней формы ‘сделать так, чтобы вас понимали’, поэтому *изъясняться отечественным языком* звучало бы здесь странно.

Творительный падеж по-русски обычно обусловлен глагольным управлением⁴⁵. Поэтому недопустимо именное сочетание **песенка немецким языком*. Но само слово *язык* в инструментальных оборотах бывает, при определенных условиях, избыточным, а именно, в тех, которые перифразируются с обстоятельствами образа действия. Например: *А того горохового панича, что рассказывал таким вычурным языком,*

которого много остряков и из московского народу не могло понять, уже давно нет (Гоголь). Нельзя сказать: **так вычурно рассказывал языком*, но можно: *так вычурно рассказывал*⁴⁶. Язык в творительном падеже напоминает обороты с фактитивным элементом⁴⁷, такие как: *идти быстрым шагом / быстрой походкой, умереть смертью храбрых, любить странную любовь*. Избыточное имя придает эмфазу.

Главные условия такого перифразы с обстоятельством:

1. Должно существовать соответствующее наречие стиля действия. Например, *Отговорила роща золотая / Березовым, веселым языком* [...] (Есенин) нельзя перифразировать: хотя допустимо *весело*, но нет узуального наречия **березово*, которое, впрочем, не противоречит русскому словообразованию. Подобно ему следующее предложение: *Выражаясь **вседневым** языком, надо было выпить, но бара не оказалось в этой старой почтенной гостинице, полной заправших филистеров и стилизованных вещей* (Набоков). Наречие *вседневно* не узуально, в отличие от наречий *обыденно* и *буднично*. Перифраз предложения в следующей цитате был бы ущербным и со словообразовательной точки зрения, поскольку в принципе невозможно наречие от прилагательного *птичкин*: *Что-нибудь из другой / оперы, типа Верди. / Мало ли под рукой? / Вообще—в круговерти. / Безразлично о ком. / Трудным для подражания / **птичкиным** языком. / Лишь бы без содержания* (Бродский). По этой же причине недопустим перифраз и следующих предложений: *Германн [...] говорил языком, ему свойственным* (Пушкин); *Не имея дара стихослагательного, мы не решились прибегнуть к бряцанию и, положась на волю Божию, стали излагать достойные деяния **недостойным**, но **свойственным нам** языком, избегая лишь подлых слов* (Салтыков-Щедрин). *Свойственно* не является наречием, а употребляется только в предикации. Перифраз следующего предложения невозможен, поскольку нет наречия образа действия от числительного *один*: *Ведь мы говорим с тобой почти одним языком, с полунамека понимаем друг друга, на одних чувствах выросли* (Тургенев).

2. Все определения языка в предложении должны характеризовать в первую очередь **процесс и стиль речи** («слог»), о чем сигнализирует то, что язык можно было бы заменить словами *стиль* и *слог*. Например, допустимо: *так вычурно, нудно рассказывал*, поскольку можно сказать *таким вычурным, нудным слогом*. Отсюда вытекает:

— перифраз следующего предложения включал бы что-нибудь вроде: *по-своему*⁴⁸, *неясно говорящие* (где одно наречие уточняет другое), поскольку допустимо своим неясным стилем говорящие: *И я и миллионы людей, живших века тому назад и живущих теперь, мужики, нищие духом и мудрецы, думавшие и писавшие об этом, **своим неясным языком** говорящие то же,—мы все согласны в этом одном: для чего надо жить и что хорошо* (Л. Н. Толстой);

— для усеченного варианта *Отговорила роща золотая **веселым** языком* выражение *отговорила весело* не является перифразом: *веселым* бывает

преходящее состояние духа, настроение, иногда манера, но не стиль, присущий человеку.

3. Должен иметься в виду лингвистический, а не органический язык. По этой причине, например, не может быть перифразировано следующее предложение: *Дрожащий карлик за седлом / Не смел дышать, не шевелился / И чернокнижным языком / Усердно демонам молился* (Пушкин). Его нельзя перифразировать: **чернокнижно усердно молился*.

4. Перифраз бывает невозможным из стилистических соображений, например:

— если цепочка наречий оказывается слишком длинной: *Все время, пока он говорил — негромко, спокойно, чистым интеллигентным языком, вежливо замолкая, когда Вепрь вставлял короткие реплики, — Максим изо всех сил старался найти хоть какую-нибудь прореху в этой новой системе мира, но его усилия были тщетны* (Стругацкие). Чтобы разрядить эту наречную цепочку, авторы и прибегли к помощи инструментального оборота

— перифраз не должен вносить неоднозначность. Например, *Отговорила мило [...]* теряет от есенинского оригинала (*Скажите так... что рожа золотая / Отговорила милым языком*), хотя можно сказать *милым стилем*. Но *мило* добавило бы аналогию с выражениями типа: *Как мило с вашей стороны*, то есть оценку действия в целом, а не процесса.

Целым комплексом причин объяснимо упоминание языка-инструмента в том же предложении, что и язык-объект, например: *[...] кузнец удивился, слыша, что этот запорожец, зная так хорошо грамотный язык, говорит с царицею, как будто нарочно, самым грубым, обыкновенно называемым мужицким наречием* (Гоголь). Вместо выражения *грубым мужицким наречием* вполне можно было бы написать и *грубо, по-мужицки* и тем избежать второго упоминания слова *язык* в том же предложении. Однако автор хотел подчеркнуть, что есть установка людей к данному стилю речи. Поэтому инструментальный оборот он оставил, а слово *язык* заменил словом *наречие* (в народном языке, впрочем, менее употребительное).

В силу сказанного, *говорить простым языком* перифразируется как *говорить просто* (понятно), а *говорить книжным* (или *бумажным*), (*чересчур / шибко*) *грамотным* и т. п. *языком* — проявлять заумь: *[...] в умении объяснить самые сложные проблемы простым, понятным каждому языком* (Викт. Суворов); *Я понял его: бедный старик, в первый раз от роду, может быть, бросил дела службы для собственной надобности, говоря языком бумажным, — и как же он был награжден!* (Лермонтов).

Поэтому смысл выражения *говорить / сказать / спросить русским языком*⁴⁹, перифразируемого *говорить / сказать / спросить по-русски*, то есть ясно, таков: говорится ясно (а адресат все никак не понимает). Например: *Я, кажется, русским языком спрашиваю, — сурово сказал кот, — дальше что?* (Булгаков)⁵⁰. Особенно популярен неопределенно-личный или пассивный оборот, даже когда известно, кто сказал или говорит: *Вам*

говорят русским языком, имение ваше продается, а вы точно не понимаете (Чехов). Столь же бесцеремонно звучит и фраза *Я вам ясно сказал(а)*. Поскольку более вежливо выражение: *Понимаете ли вы ясный язык?*, менее грубы и эквивалентные им варианты без творительного падежа, такие как: *Я вам говорю по-русски*, *Вы говорите по-русски?* и *Вы понимаете по-русски?* Ср.: Милостивый государь, **понимаете ли вы русский язык?** (Достоевский); «*Варенуха*», — отозвался все тот же гадкий голос, — «*ты русский язык понимаешь?* Не носи никуда телеграммы» (Булгаков).

Очень часто выражение *русским языком* сопровождается указанием качества владения языком. В этих случаях также допустим перифраз с обстоятельством, ср.: «*Тише, молчать*, — отвечал учитель **чистым русским языком**, — молчать или вы пропали» (Пушкин); А уж листовки, сообщавшие о создании РОА — «*русской освободительной армии*» не только были написаны **дурным русским языком**, но и с чужим духом, явно немецким, и даже незаинтересованно в предмете, зато с грубой хвастливостью по поводу сытой каши у них и веселого настроения у солдат (Солженицын). Соответственно, имеем: *по-русски*, *чисто* (одно наречие уточняет другое) и *дурно по-русски*, причем в первом случае этот стиль говорящего для адресата был неожиданным, поскольку учитель французского языка (а на самом деле Дубровский), как все думали, по-русски не говорил.

Интерпретация термина *язык* как инструмента при глаголе речи приходит в голову не сразу, например, в таком предложении: *И странно то, что хотя они действительно говорили о том, как смешон Иван Иванович своим французским языком*, и о том, что для Елецкой можно было бы найти лучше партию, а между тем эти слова имели для них значение, и они чувствовали это так же, как и Кити (Л. Н. Толстой). Естественный перифраз таков: *Иван Иванович смешон, когда пользуется французским языком*. Язык в данном употреблении сродни костюму, ср. параллель к последней фразе: *Иван Иванович смешон в своих коротких старомодных панталонах*, то есть когда надевает свои короткие старомодные панталоны.

Итак, в инструментальных конструкциях лингвистический язык употребляется в значении «стиль речи, присущий говорящему». Исключением является глагол *владеть*, управляющий творительным падежом, но не перифразируемый указанным образом. Семантически этот глагол управляет объектом, к вопросу о котором мы и переходим.

2.3.2. Объектные конструкции

Теперь рассмотрим случаи, когда язык подается как объект.

Во-первых, хотя в сочетаниях *знание языка* и *владение языком* падежи у слова *язык* различны, язык в них обоих обычно признают семантическим объектом⁵¹. Например: *Кузнец и себе не хотел осрамиться и показаться новичком, притом же, как имели случай видеть выше сего, он знал и сам грамотный язык* (Гоголь); *Эфиопы, которые не владели никакими языками, кроме своего собственного, и в силу этой невежественности ни чер-*

та не поняли из английской речи благородного лорда, с радостными воплями обступили имперский флаг (Булгаков). Последнее предложение перифразируется с предикатом *не знали никаких языков*. В немецком языке нет даже синтаксического различия между этими разновидностями, ср., соответственно, *eine Sprache kennen* vs. *eine Sprache können*.

Значение оборотов *владеет языком* и *знать по-Хски* — ‘знать Х-ский язык и уметь действовать (говорить, понимать и т. п.) на Х-ском языке’ (но не Х-ским языком, о различии будет сказано в разделе о языке-сцене); а *знать язык* предполагает у языка роль больше объектную⁵²: *Ты рассчитываешь на то, что я не знаю английского языка. Да, я не знаю, но у меня есть словарь* (Чехов); *Спасибо, что ты не знаешь моего языка / и твоих проклятий я не расслышу* (Окуджава). Предикат *знать* (в отличие от *уметь*) сегодня допускает при себе прямой объект в виде именного словосочетания или придаточного, но не инфинитив (правильно сказать *уметь говорить по-немецки*, но странно или архаично звучит: **знать говорить по-немецки*, допустимое в романских языках). При предикате в подобных случаях обязательно должно быть прямое дополнение со значением ‘речевой объект’, не всегда выраженное в поверхностной структуре. Этот объект модифицируется с помощью *по-Хски*.

У предикатов *знать* и *владеет* различна сочетаемость. Оборот *знать язык со словарем* (особенно в анкетах) допустим, но нельзя *владеет языком со словарем*, ср.: *Знание иностранных языков: все без словаря* (Стругацкие). Несовершенное знание или полное незнание языка, кстати, не всегда говорят о том, что языком не владеют вообще: *Гусев, не особенно затрудняясь незнанием марсианского языка, стал рассказывать новым приятелям про Россию, про войну, революцию, про свои подвиги,—хвастался чрезвычайно [...]* (А. Толстой)⁵³.

Язык-объект обладает особой ценностью в контексте *знание иностранных языков*. Если упоминается такое знание у Х-а, то имплицированное нахождение Х-а на высокой ступеньке социальной лестницы, а отсутствие знания, наоборот, имплицированное закономерную или парадоксальную необразованность: *В этом городе знать три языка ненужная роскошь* (Чехов)⁵⁴. Сохранялась такая импликация как элемент лингвистической системы и позже: *Французский язык знаете, надеюсь?* (Ильф и Петров). Из высказывания, обращенного не к носителю французского языка, видно, что адресат много потерял бы в глазах говорящего, если бы не знал этого языка⁵⁵.

В противоположность знанию иностранных языков, совершенство во владении родным языком, а точнее, глубина знания стандартов «грамотной» речи, как бы отходит на второй план: [...] *один школьник, учившийся у какого-то дьяка грамоте, приехал к отцу и стал таким латыньщиком, что позабыл даже наш язык православный. Все слова сворачивает на ‘ус’*. *Лопата у него — лопатус, баба — бабус* (Гоголь); *Перенимают черт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с*

своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке (Гоголь). Творительный падеж в последнем предложении при глаголе *гнушаются* (как и при *пренебрегают*) не обязательно соответствует семантическому инструменталю: с таким же успехом можно было бы употребить (по-русски) родительный (*стыдятся языка своего*) и винительный (*не любят свой язык*).

Итак, язык как неотчуждаемый объект тематизирует шкалу ценностей, встроенную в логико-лингвистическую систему социума.

Во-вторых, оценка уровня знания языка звучит как оценка не только уровня интеллекта, но и сложности предмета. Конструкция (на)учиться языку / овладеть языком подает усвоение — «интернализацию» — языка как то, что аналогично приобретению любых других **навыков** (письма, плавания, рисования и т. п.), а *изучить / изучать язык / заниматься языком* — как приобретение любых других **знаний** (математики, географии, истории), в разной степени удачное: [...] *школьник седьмого класса, происхождения родителей стыдится, иностранных языков изучал много, но не знает ни одного...* (Стругацкие)⁵⁶. Близкий к этому употреблению оборот *научиться* (или даже *насобачиться* — разг.) *Х-скому языку / по-Х-ски* не похож на другие: [...] *еще в Москве учившаяся с сыном вместе латинскому языку* (Л. Н. Толстой); [...] *я немецкому языку никогда не научился и в жизни не прочел ни одного литературного произведения по-немецки* (Набоков)⁵⁷.

В-третьих, *понимать язык* естественно (не только этимологически) перифразируется как восприятие речи как предмета, например: [...] *очевидно не понимая русского языка и приветливо улыбаясь* (Достоевский); *К сожалению, Барби понимала язык собак и смутилась* (Петрушевская). На чем основана игра слов в следующем предложении: *Французы плохо знают французский язык: они меня совершенно не понимали по-французски* (Мелихан)? Если к вам обратился по-русски иностранец, а вы его не поняли, значит ли это, что вы недостаточно компетентны в русском языке? Конечно, нет. *Понимать* следует отнести к предикатам из серии *знать* (см. выше), дополнение при нем — *моя речь по-французски*. Плюс к этому *понимать* имеет еще и свой подразумеваемый модификатор *по-французски*. Так что разъясняющим перифразом будет что-то вроде: «они не понимали по-французски мою французскую (т. е. по-французски) речь». Разновидность недоразумения — когда иноязычную речь понимают как русскую, то есть, по-русски.

В-четвертых, язык подается как предмет, когда говорят, что он существует или не существует. Например: *Да разве существует малороссийский язык?* (Тургенев); *Даже языка у них никакого настоящего не было, ни русского, ни татарского, а говорили слово по-нашему, слово по-татарски, а то промеж себя невесть по-каковски* (Лесков).

В-пятых, язык-объект может стать предметом симпатии, даже любви — и антипатии: *Тайный ропот, мольба о прощеньи; / Я люблю непонятный язык! / И сольются в одном ощущеньи / Вся жестокость, вся кротость, на миг* (Мандельштам). Нелюбовь к языку интерпретируется как отношение к народу: *Смеясь, он дерзко презирал / Земли чужой язык и нравы [...]* (Лермонтов). Семантический переход связан с умозаключением «народной логики»: каков человек, таков и его язык (ср.: *Какие сами, такие сани*). И, наоборот, при олицетворении эмоциональные установки по отношению к неодушевленному предмету могут в поэзии подаваться как любовь к «языку» этого предмета: *Язык кремня или булыжника — жесткий и бесцеремонный, язык воздуха — легкий и прозрачный*⁵⁸.

В-шестых, когда вместо оборота *ломать язык* Л. Н. Толстой употребляет *гримасничать языком*, вряд ли имеется в виду органический язык: *«На то дан человеку разум, чтобы избавиться от того, что его беспокоит», — сказала по-французски дама, очевидно довольная своею фразой и гримасничая языком* (Л. Н. Толстой). Хотя можно гримасничать лицом, но не книгой или галстуком, у Толстого нетривиальное употребление предиката свидетельствует о том, что лингвистический язык (в значении 'вычурная речь') в инструментальной роли может трактоваться как неотъемлемо (подобно лицу или иной части тела) принадлежащий человеку. Кроме того, во французском языке, которым свободно владел Толстой, *grimacer* может употребляться как переходный глагол с прямым значением 'морщить': *grimacer un sourire* 'вымучить улыбку', буквально 'морщить улыбку'. Поэтому в данной фразе *языком* является семантическим объектом, а не инструментом.

В-седьмых, указание на то, откуда человек знает язык или где на этом языке говорят, может подаваться как качество языка-объекта: [...] для школьных и спортивных терминов она обращалась к разговорному американскому языку, и тогда легкий бруклинский акцент примешивался к ее речи, что забавляло меня в этой парижаночке, ходившей в новоанглийскую школу со псевдобританскими притязаниями (Набоков).

В-восьмых, с объектом имеем дело, когда о человеке, знающем / понимающем какой-либо язык, говорят, что он с *X-ским языком*, например: *Нашелся кто-то с французским языком, и мы узнаем: Макс Сантер, французский солдат* (Солженицын). Быть с + Т. п. не инструментальная конструкция, поскольку перифразируется как *иметь с собой* + В. п., ср.: *Нашелся один со штопором, он-то нам бутылку и открыл*⁵⁹.

2.4. Язык-сцена и манера речи

Во многих случаях конкурентом инструментальной роли по-русски выступает язык-сцена, то есть платформа, которую наблюдает невидимый зритель (или «арбитр» [Демьянков 1989])⁶⁰. На этой площадке⁶¹

«находятся» собеседники, например: *Беседа двух светил, ведшаяся на английском языке*, была прервана прилетом доктора Григорьева и будущего чемпиона мира Алехина (Ильф и Петров).

«Сцену» назвать ролью можно только условно, поскольку естественнее сказать, что действие разворачивается **на ней**. Роли на этой сцене играют «участники ситуации», а сами роли называются семантическими падежами или прорезями, слотами в прототипе ситуации. Сцена — место для реализации роли, и на первый взгляд, не сама роль. Однако нельзя назвать такую сцену и обстоятельством места: если вас спросят, *где велась беседа двух светил*, вряд ли вы ответите: «на английском языке». Итак, язык-сцена — своеобразный Гулливер в стране лилипутов. Гулливер, по которому, как по горе, ходят лилипуты, не перестает быть человеком, он «играет роль» горы. Именно в этом смысле «сцена языка» является одной из ролей, исполняемой языком⁶².

Язык-сцена отдаленно напоминает манеру речи (в нашем специальном понимании этого термина *манера*), вообще говоря, не совпадающую со стилем. В нашей терминологии *стиль* — это сам человек, а *манера* варьируется от ситуации к ситуации. Говорят *в своей обычной манере* (или *на свой манер*, оставаясь в своем *репертуаре* языковых средств) или *в необычной манере*, но всегда своим *стилем*. У человека могут быть плохие или хорошие манеры (в том числе, и речевые), но обычно один, «родной», стиль, который может быть дурным или хорошим (образцовым и т. п.), но который он часто бессилён изменить. Итак, стиль речи у человека обычно один, а манер речи много. Тот, кто владеет многими стилями, подобен полиглоту. Словосочетание *обычный стиль* (в отличие от *обычная манера*) звучит странно, поскольку в отнесении к среднему человеку является таким же плеоназмом, что и *обычный язык* для того, кто знает только один язык. Говорят, что некто *взял манеру* (кричать на старших, грубо разговаривать и т. п.), но нельзя сказать, что он **взял стиль*. Это (несколько искусственное) противопоставление терминов *стиль* и *манера* из обыденной речи мы используем для разграничения сфер языка-инструмента и языка-сцены. Впрочем, **когда действуют на некотором национальном (русском, английском и т. п.) языке, сходство с манерой у языка-сцены пропадает.**

Но чем же отличается язык-сцена от языка-инструмента?

Во-первых, типовая русская конструкция языка-сцены — локатив с предлогом *на*, а характеризуется язык-сцена в предложении как взаимодействие выразительных средств и содержания речи⁶³. Если в фокусе внимания — выразительная сторона (иногда в соотнесении со значением), язык получает эпитеты лица или объекта, например: *В день же пятнадцатых моих именин он отвел меня в сторону и довольно хмуро, на своем порывистом, точном, старомодном французском языке, объявил меня своим наследником* (Набоков); [...] *Елизавета Павловна, встретив его в*

соседней комнате, предупредила о госте на **своем, вывезенном из России, домашнем французском языке**: «*Le fils du maître d'école chez nous au village*» [...] (Набоков). В терминах гештальт-психологии: сценическое пространство как **фон** вызывает ожидание того, что будет еще упомянута и **фигура**, то есть речевая деятельность. Слово **язык** совмещает значение пространства со значением деятельности.

Во-вторых, для языка-инструмента характерны предикаты речевой деятельности, а язык-сцена сочетается с более широким классом предикатов, поскольку **на языке-сцене разворачивается более широкая, «речемыслительная» деятельность, langage**. Кроме предикатов выражения в таких конструкциях употребляются и предикаты мышления, ср.: *думать / видеть сны / смотреть фильмы / понимать речь на некотором языке* и странное сочетание **думать / видеть сны / смотреть фильмы / понимать речь некоторым языком* (при том, что по-русски можно сказать *думать головой*).

В-третьих, есть аналогия между выражениями *общий язык* и *общая платформа*. Язык-сцена характеризуется теми рамками, темами разговора, той «платформой», на которой собеседники могут общаться, не рискуя упасть в оркестровую яму, ср.: *Я слушал ее и невольно / Оглядывал стройный лик. / Хотелось сказать: «Довольно! / Найдите другой язык!»* (Есенин); *«Мы говорим с тобой на разных языках, как всегда», — отозвался Воланд, — «но вещи, о которых мы говорим, от этого не меняются»* (Булгаков). Вот эти-то общие вещи, или *universe of discourse* или *common ground*, как их иногда называют, и составляют *общий язык*. Для **общего языка** не характерна типовая для сцены конструкция с предлогом *на*. Более типичное выражение *найти общий язык* ‘достичь взаимопонимания’ можно трактовать как обретение платформы, на которой обе стороны обладают общим горизонтом обзора: *Мы с тобой всегда находили общий язык* (Аксенов).

В-четвертых, самым важным параметром языка-сцены является площадь, удобство передвижения по двумерному пространству, а тактильные характеристики поверхности менее существенны. Например, можно нечто описать *гладким* или *шершавым языком* (язык-инструмент), но вряд ли **на гладком* или **на шершавом языке*. В этом язык-сцена близок языку-хранилищу. Недаром образы языка-хранилища и языка-сцены в некоторых языках совпадают, и общение происходит как бы во «дворце языка» (или сцена понимается как эпизод; и по-английски, и по-русски такая сцена воспринимается как омоним слова *сцена* в значении ‘подмостки’, ср.: *В пятой сцене спектакля актер А. упал со сцены*). Так, в отличие от русского, где общаются в одном месте (*на языке*), а хранят слова и выражения в другом (слова существуют или отсутствуют *в языке*), по-английски общаются *в языке* (*in a language*), а

не **на** языке (не **on a language*). Переводя, по-русски переходят с одной сцены **на** другую, а по-английски, по-немецки и т. д. — **из** одного хранилища **в** другое: *to translate from one language into another* 'переводить с одного языка на другой', *to render a French expression into English* 'перевести французское выражение **на** английский язык', *put it into French* — 'переведите это на французский (язык)' (нигде не *onto*!); то же и по-немецки: *aus einer Sprache in eine andere übersetzen* (не **auf eine andere*)⁶⁴.

Поэтому совмещение образов сцены и хранилища приводит к своеобразному результату по-русски, а по-английски или по-немецки даже не замечается. Например: Слово «ВОЛЫНКА» очень **прижилось в официальном языке** после берлинских волнений в июне 1953 года (Солженицын); *Чтоб еще более облагородить русский язык, половина почти слов была выброшена вовсе из разговора, и потому весьма часто было нужно прибегать к французскому языку, зато уж там, по-французски, другое дело: там позволялись такие слова, которые были гораздо пожестче упомянутых (Гоголь).* Судя по употреблению слова там, Гоголь воспринимает по-французски как локус (то, что описывается в ответ на вопрос «Где?»). «Облагораживается» словарный состав русского языка (то есть в хранилище вносятся новые единицы из французского языка), а при этом строится речь по-русски (или по-французски). Иронично совмещая все те же образы, Гоголь далее пишет: *Но как ни исполнен автор благоговения к тем спасительным пользам, которые приносит французский язык России, как ни исполнен благоговения к похвальному обычаю нашего высшего общества, изъясняющегося на нем во все часы дня, конечно, из глубокого чувства любви к отчизне, но при всем том никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму (Гоголь).*

Не лишено иронии и выражение *простой язык*, также совмещающее эти две роли. Оно употребляется не только в значении 'легко понятный', но и 'то, как говорит простой народ', т. е. как синоним атрибутов *просторечный* и *разговорный*: *Порой ему удавалось на своем грубом, простом языке, чуждом всякой науки, говорить мне такие глубокие истины, что я становился в тупик и не мог понять, каким образом он угадал это все, никогда ничего не читав, никогда ничему не учившись, и я много обязан ему, — прибавлял Б (Достоевский)*⁶⁵. Когда обещают объяснить сложную проблему на *простом, рабоче-крестьянском языке*, вызывают ожидание того, что в дискурсе не встретятся редкие термины и сложные синтаксические конструкции. Иначе говоря, в этих случаях *простой язык* одновременно характеризует и скромную коллекцию (хранилище) выразительных средств, и сцену⁶⁶: *Штатские смеялись. Отдохнули, видать, с моим простым языком и отпустили (Алешковский).*

Более привычно совмещение по-русски сцены с другими ролями. Например: *Но что ей до меня? Она уже в Варшаве, / Мы снова говорим **на разных языках*** (Высоцкий). Имеется в виду и использование разных кодов (разных инструментов-объектов и хранилищ этих кодов), и на-

хождение в разных мирах, разных ментальностях (на разных сценах) как отсутствие общего языка.

Эпитет *странный* также указывает на совмещение и неоднозначен, например, в таком предложении: *Говорят, в Англии выплыла рыба, которая сказала два слова на таком странном языке, что ученые уже три года стараются определить и еще до сих пор ничего не открыли* (Гоголь). Странными могли показаться сами звуки языка и/или смысл понятных, в общем-то, речей (для обычной рыбы эта возможность исключена, но в сказках все может быть). Только второе истолкование может перифразироваться с творительным падежом: *сказала таким странным языком*.

В-пятых, язык аналогичен сцене еще и в престижности. Эпитеты языка *высокий* и *низкий* указывают именно на сцену, трибуну или подмостки. Артисту почетнее и приятнее выступать на сцене столичного театра, чем на захолустных подмостках, то же верно и для языка-сцены. На игре высокого (престижного)—употребления престижного (латинского, японского и т. п.) языка—и ничтожного содержания основан юмор высказываний типа: *Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по латыни или на другом языке...* (Гоголь)⁶⁷. Чтобы избежать подозрения в неотесанности (такой была презумпция о культурном уровне человека, говорящего только по-русски), у Достоевского говорят *большую часть на французском языке с дамами, а если на русском, то выражениями самого высокого тона, комплиментами и глубокими фразами*.

В-шестых, переход с языка на язык может подаваться (по-русски) как переход с платформы на платформу, когда, выбирая или меняя код, говорят, что *переходят на какой-либо другой язык*, например: *И, разговорившись, как обыкновенно, тотчас же перешел на более удобный ему французский язык* (Л. Н. Толстой); [...] *Василий Иванович перешел на русскую речь, но тот понимал как сквозь сон и продолжал на языке своего быта, своей семьи* (Набоков). Это бывает спуск или подъем с одной плоскости на другую: [...] *сказал он, переходя с русского на французский язык* [...] (Л. Н. Толстой)⁶⁸.

Несопоставимость платформ бывает нарочитой; ср., например, заглавие произведения М. Булгакова: *«Багровый остров. Роман товарища Жюль Верна. С французского языка на эзоповский переведено Михаилом Булгаковым»*. С одного национального языка переводят на другой, чтобы сделать текст понятным, однако здесь переводят на эзоповский, на язык другой ментальности, менее понятный, чем обыденный. И сам перевод должен бы потерять смысл—но не теряет.

Переход с одного языка на другой как переключение с одного набора выразительных средств на другой охватывает и смену регистра, скажем, от вежливого переходят к грубому регистру: *Еще далеко мне до патриарха, / Еще на мне полупочтенный возраст, / Еще меня ругают за глаза / На языке трамвайных перебранок, / В котором нет ни смысла, ни аза: / «такой сякой»* (Мандельштам). Когда же некто отступает от языка

(как совокупности норм), возникает образ хранилища, например: [...] кавалеров, разве только в трубочной позволяющих себе некоторые любезные отступления от языка высшего тона [...] (Достоевский).

Переход может происходить как исключительно во внутреннем мире человека, так и при переводе с одного языка на другой. Пример первого рода: «Ты думаешь, что он не может влюбиться», — переводя на свой язык, сказала Кити (Л. Н. Толстой)⁶⁹. Пример второго рода: *И может быть в эту минуту / Меня на турецкий язык / Японец какой переводит / И прямо мне в душу проник* (Мандельштам). Сам факт перевода на иностранные языки может подаваться как признак ценности произведения. Например: [...] его переводят на иностранные языки, а он целый день ловит рыбу и радуется, что поймал двух голавлей (Чехов); *А в 1927, осенью, капитальный труд в 350 страниц, переведенный на 6 языков, в том числе и японский* (Булгаков).

Если произведение не заслуживает перевода на иностранные языки, значит, его качество не столь велико — таков вывод, навязываемый логикой языка: [...] за последние 12 лет не появилось ни одного марксистского исследования [...], которое заслуживало бы внимания или перевода на иностранные языки (Троцкий). И наоборот, если произведение плохо, а его все-таки переводят на иностранные языки, то это оценивается как просто несправедливость: *Крикливые и бездарные апологии выходят на многих языках* (Троцкий).

Очень часто такой переход сопряжен с потерями, как это бывает и при трудном путешествии по земле, в частности, потому, что именованное с прозрачной внутренней формой в одном языке должно передаваться как транслитерация в другом, отчего утрачиваются коннотации: *Он отвечал мне: «Валерик, / А перевесть на ваш язык, / Так будет речка смерти: верно, / Дано старинными людьми»* (Лермонтов). О такой мотивации можно только догадываться, если не знать языка-источника: *Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле* (Бытие 11.9). Иногда все предпринятие смены языка представляют как драму⁷⁰.

В-седьмых, сменить язык-сцену как подачу ментальности⁷¹ легче, чем язык-инструмент. Если за непонятным, «невнятным» языком стоит чуждый образ мыслей, который невозможно сменить (настолько он присущ говорящему человеку), ему приписывают роль объекта-инструмента. Если же языку приписана функция сцены, интерпретация такова, что автор речевого поступка нарочно выбрал данный способ выражения, данную сценическую площадку, при желании он мог бы перейти и на более понятный язык: *На языке тебе невнятном / Стихи прощальные пишу* (Пушкин); *Оно на памятном листке / Оставит мертвый след, подобный / Узору надписи надгробной / На непонятном языке* (Пушкин); [...] *быстро болтал на своем мудреном языке, картавя и шепе-*

лявя господину Голядкину [...] (Достоевский); *Помню, он все мне силился растолковать на своем полу-русском языке* какую-то особенную, им самим выдуманную астрономическую систему (Достоевский). Когда ментальность кажется *чуждой*, говорят о *чужом* языке: *Им ли поверить, что в синий, синий / Дымный день у озера, роняя перья, как белые капли, / Лебедь не по-лебяжьи твердит о любви лебедине, / А на чужом языке (стрекозы или капли)* (Шершеневич). Поэтому ср.: *Лещенко исполнял песню на чужом языке* и странное *чужим языком* (синоним: с чужого голоса, то есть, в рамках иной идеологии). Следующее предложение комично, так как ментальность не соответствует (сознательно) избранному языку: *Сели снова к огню, и веселая немка Оксана Ивановна из ямало-ненецкого округа на чудном украинском языке запела «Дивлюсь я на небо»* (Альтов).

Многие предложения можно перевести из инструментальной формы в форму сцены, однако теряется тот смысл, что данный язык-инструмент наиболее адекватен ментальности говорящего. Возьмем, например: *Строительство велось интенсивно до мая 1941 года; после чего, выражаясь советским языком, «строительство переведено в разряд не первоочередного»* (Викт. Суворов). Смысл, стоящий за языком-инструментом, вряд ли существует за пределами ментальности советского функционера⁷². Эта презумпция теряется, если заменить инструмент сценой, получив: *выражаясь на советском языке*.

О качестве освоенности мира на сцене языка говорят примеры с сочетанием *детский язык*: *Девочка вдруг оживилась и быстро-быстро залепетала ему что-то на своем детском языке* (Достоевский). Если спросить у этой девочки, на каком языке она говорит, вряд ли вы получите ответ: *«На детском»*. Ребенок осваивал русский, а не детский язык. И наоборот, только полностью освоенный язык называют *взрослым*, имея в виду зрелость внутреннего мира. Это значит, что наблюдатель, используя роль сцены в таком случае, полагает, что детский язык не навсегда прирос к маленькому созданию, что девочка еще научится говорить *взрослым* языком. Если бы здесь был употреблен творительный, то презумпция была бы иной: человек, *говорящий детским языком*, обладает детской ментальностью, от которой не может освободиться.

Парадоксальным бывает родной язык как неудобная сцена: *Она по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала, / И выражалась с трудом / На языке своем родном, / Итак, писала по-французски...* (Пушкин). Первое простое предложение можно перифразировать с творительным падежом, но это будет язык-объект: *Она плохо владела русским языком*. А перифраз последнего простого предложения теряет что-то от оригинала, ср.: *и выражалась с трудом своим родным русским языком*. Ведь в оригинале Татьяна выбрала французский язык для письма. Следовательно, вполне логичен выбор для языка роли сцены, а не инструмента. Так же, как в следующем примере: *Вирка слушала его слова, как песню на близком, родном, но все же не на своем языке* (Сейфуллина). Это случай

родного языка, языка своего народа, но не языка своего внутреннего мира, внутреннего «Я».

2.4.1. Качество владения инструментом речи на языке-сцене

Когда говорят, что некто прекрасно говорит, поет, пишет и т. п. на каком-либо языке, одновременно затрагивают две роли языка: комфортность сцены для говорящего и качество владения языком как инструментом: *Он подошел к мадам Шталь и заговорил на том отличном французском языке, на котором столь немногие уже говорят теперь, чрезвычайно учтиво и мило* (Л. Н. Толстой)⁷³.

В таких случаях хвалится или порицается не английский, немецкий, французский, русский или иной язык сам по себе — не объект, инструмент, агенс или хранилище, и даже часто не сам уровень знаний языка, а манера обращения с языком «на сцене». Вне такой сцены нельзя проявить владение языком. На этой манере может сказаться и сценическое волнение (*Lampenfieber*), когда говорят неправильно или неадекватно ситуации, хотя прекрасно владеют языком: *Я мог бы позвонить, но боясь, что потеряю власть над голосом и разражусь жеманным кваканием на ломаном английском языке, я решил заказать на будущую ночь по телеграфу комнату с двумя постелями* (Набоков). И наоборот, даже поверхностное знание языка-объекта не мешает «актеру», хорошо чувствующему себя на «сцене языка», показать свое умение: *А по-моему, графин водки выпил — вот и заговорил на всех языках* (Достоевский).

Владение бывает и нарочно подано как несовершенное, что случайно обнаруживается: *Сиреневый, провалившись в кадку, на чистом русском языке, без признаков какого-либо акцента вскричал: «Убивают! Милицию! Меня бандиты убивают!»* — Очевидно, вследствие потрясения, внезапно овладев до тех пор неизвестным ему языком (Булгаков). Употребление языка-сцены, а не инструментального свидетельствует о том, что деланность акцента с самого начала была очевидной для пишущего, ср. пример из «Дубровского», где пишущий (Пушкин) смотрит на событие глазами ни о чем не догадывающегося человека: *«Тише, молчать, — отвечал учитель чистым русским языком, — молчать или вы пропали»* (Пушкин).

2.4.2. Новое именование как первый выход на сцену

Выделяются два случая.

1. Глоссы: в оборот вводится именование, по презумпции неизвестное адресату. Обычно при этом используют конструкцию *X называется (именуется, значит, означает и т. п.) Y на языке Z* или аналогичная, иногда с эллипсисом предиката называния: [...] *бабочка на языке басков «мизериколетя»* (Набоков). Глоссы могут относиться не только к отдельному слову: *На зверином языке «чичи» значит «молодчина»* (Чуковский), но и к целой фразе, при презумпции неартикулированности речи: *Но [собака] Авва ответила: «Рры!..» На зверином языке это значит:*

«Не хочу я тебя спасать, потому что ты злая и гадкая!» (Чуковский). Так же вводятся пояснения оттенков значения: Он писал без обращения к ней и по-французски, употребляя местоимение «вы», не имеющее того характера холодности, который оно имеет на русском языке (Л. Н. Толстой).

2. Введение в иную ментальность, когда нет презумпции неизвестности толкуемого слова X, например: На современном научном языке это называется: они изучали альтернативную возможность (Солженицын)⁷⁴.

В обоих случаях задают условный язык в качестве малой, камерной сцены, где зрителей меньше, чем в обычном массовом театре: Но между нею и Лоран скоро установился условный язык, хотя и очень ограниченный (А. Беляев); Тем более ценно для нас его свидетельство об Истине Православия, не связанное условным и часто безжизненным языком «школьного богословия» (Бердяев).

Чужеродность, недоступность чужой ментальности подается как непостижимый язык, например, как язык животных или птиц: «Нет,— сказал господин ротмистр.— Он говорит, но на каком-то медвежьем языке, и только иногда употребляет наши слова, да и то сильно искаженные. Нас не понимает» (Стругацкие); [...] пятеро ползунков, переговариваясь на птичьем языке, бродили на четвереньках в отгороженном углу (Стругацкие). Иногда даже как язык неодушевленного существа: [...] Потом и эти / звуки смолкают. И глухо—глуше, / чем это воспринимают уши—/ листва, бесчисленная, как души / живших до нас на земле, лопочет / нечто на диалекте почек, / как языками, чей рваный почерк /—кляксы, клинопись лунных пятен—/ ни тебе, ни стене невнятен (Бродский); [...] твердя вечерние молитвы / на тарабарском языке (Окуджава). Противопоставление условного языка нормальному содержится в просьбе сказать по-человечески и вообще в понятии человеческий (то есть не птичий, кошачий, тарабарский) язык: Всякому терпенью положен предел, и за столом уже повысили голос, намекнули Никанору Ивановичу, ему пора заговорить на человеческом языке (Булгаков).

3. Органический язык

Рассмотрим конструкции, в которых лексема язык со значением 'орган во рту' употребляется для образной характеристики лингвистического языка. Образы эти во фразеологии самых разных языков удивительно сходны. Различаются две функции органа речи: локус, на котором рождаются речи (язык-станок), и то, что рождает речь, подобно языку колокола (действующий язык).

3.1. Язык-станок

Язык как место речепроизводства аналогичен рабочему столу, или станку, на котором «изготавливаются» речи и с которого (иногда по недос-

мотру) «сваливаются» недоделанные или непреднамеренные речи. Для языка-станка тактильные свойства поверхности более существенны, чем площадь: с гладкого языка слова соскальзывают. Когда слово просится на язык, имеем олицетворение слова как полуфабриката речевой деятельности, а когда слово слетает с языка, олицетворяется продукт речи.

Как со станка сходит продукция, так и с языка могут сойти или не сойти слова: «Я и книг не знаю», — шевельнулось в нем, но не сошло с языка и выразилось печальным вздохом (Гончаров); Он хотел что-то сказать, пересиливал себя, но слова с языка не шли; только сердце билось неимоверно, как перед бедой (там же; этот предикат языка весьма типичен для Гончарова). А слова эти прежде рождаются в голове — и проходят через горло: [...] пошевелилось у ней в горле, но на язык не сошло (там же).

Лингвистический язык и язык-станок ощущаются настолько различными, что могут одновременно упоминаться в одном и том же предложении: Хотят непременно, чтобы все было написано языком самым строгим, очищенным и благородным, — словом, хотят, чтобы русский язык сам собою опустился вдруг с облаков, обработанный как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть роты да выставить его (Гоголь).

Предикаты группы проситься на язык, вертеться на языке, (быть) на языке, сорвалось / слетело (слово) с языка со значением 'невольно сказать то, о чем иногда лучше бы и помолчать' типичны для языка-станка. Виновником при этом признается не человек, не его язык и даже не «оно» (черт, нечистая сила), а высказываемая мысль, которая самопроизвольно является, например: Но что-то весьма неприличное / На язык ко мне просится, / Хунвейбины (Высоцкий). Это нечто просится как бы вовнутрь пространства к говорящему, как назойливый посетитель⁷⁵.

Есть аналогичное и во многих других языках, например, по-английски: [...] now that he has gone from me to his other victim with threats upon his tongue (Conan Doyle). В немецком и датском слово 'лежит на языке', соотв.: etwas liegt (или даже schwebt — 'витает') mir auf der Zunge; ordet ligger mig på tungen; по-фински pyöriä kielellä 'вертеться, ходить кругами на языке'. Настырным слово может быть в немецком языке, где оно drängt sich jemandem auf die Zunge 'пробивается к кому-либо на язык' или brennt auf der Zunge 'горит на языке', когда непременно хочется сообщить о чем-либо.

Легкость вербализации как эквивалент русского вертеться на языке подчеркивает — в иных языках — нахождение на кончике языка, а не просто на языке (по-русски же так не говорят):

— по-французски, по-испански и т. д. говорящий 'имеет слово на кончике языка', соответственно: j'ai le mot sur le bout de la langue, ср. tengo esta palabra en la punta de la lengua — 'у меня слово на кончике языка';

— по-армянски, по-фински, по-татарски, по-латышски и т. д. 'слово находится (стоит, сидит и т. п.) на кончике языка', соответственно: [tqɬh

daɹpʰiɫ ʃiɫɪ (лезви цайфин линел); *olla kielenkärjellä*; тел очында тора; *tas tap ir mēles galā* 'это у меня на кончике языка'. Иное переносное значение по-литовски: *ant galo liežuvio stovėti* 'стоять на кончике языка' говорят, когда некто знает, но не может вспомнить;

— по-английски допустимы обе возможности, *быть* и *иметь*: *to be (to have it) on / at the tip of one's tongue*⁷⁶;

— по-таджикски слово 'приходит' на кончик(е) языка: *ба нӯги забон омадан*.

Образ висевшего на языке и сорвавшегося слова⁷⁷ или слова, нечаянно слетевшего с языка, также снимает ответственность с говорящего: *Виноват, не буду, у меня с языка сорвалось; но как же вы хотите, чтоб в такую минуту не было желания...* (Достоевский)⁷⁸.

Когда Достоевский говорит о слове, что оно *готовилось* слететь, мы наблюдаем картину борьбы подсознания (представляемого словом, спонтанной речью) с фрейдовским «сверх-Я», с сознанием как цензором: *Все эти отклики и разговоры сдержали Раскольникова, и слова «я убил», может быть, готовившиеся слететь у него с языка, замерли в нем* (Достоевский). Роль сцены (как текущего состояния внутреннего мира говорящего) контаминируется тогда с образом станка, на котором формируются речи⁷⁹.

С идеей произвольности хорошо согласуется и характеристика «послушного языка»: *Были месяцы скорби, провала и смуты. / Ордами бродила тоска напролет, / Как деревья пылали часов минуты, / И о боге мяукал обезумевший кот. / В этот день междометий, протяжный и душный, / Ты охотилась звонким зременьем труб, / И слетел с языка мой сокол послушный, / На вабило твоих покрасневших губ* (Шершеневич).

В известном примере из Гоголя скрытая парадоксальность заключается в том, что никогда не бывающее непреднамеренным (хорошо сформулированная мысль) подается как сам по себе упавший предмет: *Артемий Филиппович. Да, Аммос Федорович, кроме вас, некому. У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел* (Гоголь). Видимо, под впечатлением этой картины В. Набоков пишет: *Лик по-французски говорил с русской оттяжкой, замедляя и смягчая фразу, не донося ударения до ее конца и слишком бережно отцеживая те брызги подсобных выражений, которые столь славны и скоро слетают у француза с языка* (Набоков).

Продолжает это сравнение аналогия с песней, рвущейся из груди, когда слово рвется — но с языка: *И невольно в море хлеба / Рвется образ с языка: / Отелившееся небо / Лижет красного телка* (Есенин). Более экзотичен образ типа: *Иные в сердце радости и боли, / И новый говор липнет на язык* (Есенин). В следующем предложении имеем контаминацию *быть на языке* и *лезть в голову*: [...] *но сам посуди, что это за предчувствия, если мне на язык лезут все эти словечки: некротический, привидения...* (Стругацкие). В предложении *У вас только одно на языке*: «будет! будет!...» (Шукшин) со значением 'от вас можно только услышать' анало-

гия с выражением: *у него только одно на уме* (ср. при этом: *Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке*).

Все тот же образ имеется и в таких типовых выражениях, как *не сходит с языка* и *быть на языках у всех*, а также *притча во языцех* (со старым локативом множественного числа). Например: *Но все это было слишком на языках, обсуждалось хлопцами почти открыто среди своих—они считали, что бендеровец не может быть стукачом, а стукачи были* (Солженицын). Ср. также в обороте *гулять по языкам*: *Оно загуляло по языкам и застучало в аппаратах Морзе у телеграфистов под пальцами* (Булгаков).

По-немецки можно сказать: *einem geht etwas schwer / leicht von der Zunge*—‘что-либо (речь) идет с трудом / легко’. Допустимо и упоминание губ или рта: *Diese Nachricht ist in aller Munde*—буквально ‘эта новость у всех во рту’ (ср. в одной из песен Л. Утесова *с песней на губе* из одесского узуса). А по-английски вполне нормально говорить о языке: *wag one's tongue*—говорить зря; сплетничать, *on the tongues of men*—у всех на устах, *set tongues wagging*—вызвать толки, дать повод для сплетен. Возможен такой оборот и в других языках, с разными переносными значениями. Например, в норвежском: *på folkets tunge*—в народной памяти, в устной традиции, *komme på folks tunger*—быть предметом разговоров, пересудов, *være på (ens) tunge*—не сходить с (чьего-либо) языка; в литовском: *liežuviai* (pl. nom.) *apkaltos, šmeižtai: žmonų liežuviai; liežuvius nešioti*—сплетни, людские пересуды: распространять (букв. ‘переносить’) слухи; в таджикском: *вирди забони хама будан*—быть притчей во языцех (буквально ‘повторением языка всех быть’), *забонзад*—буквально: ‘избитый языком’ (*задан*—полувспомогательный глагол ‘ударять’)—избитый, трафаретный (о словах, выражениях и т. п.), общеизвестный, то, о чем все говорят; в татарском: *телдән телгә*—буквально: ‘с языка на язык’, то есть, из уст в уста, *телдән тӨшми*—(буквально: ‘с языка не спускается’) у всех на устах, не сходит с языка, *телдән тӨшү*—сойти с языка, перестать быть предметом разговоров, потерять славу, больше не упоминаться, *телдә йӨрү*—(букв. ‘быть в обращении на языке’) быть у всех на языке, на устах, *ил теле*—(букв. ‘язык страны, общество’) молва. В древнегреческом тоже можно было сказать: *κατὰ ὕλῳσσαν*—‘на основании слухов, понаслышке’.

Наконец, по-русски невозможно, но в немецком зафиксирован случай, когда нечто, висевшее на языке и очевидное для собеседника, с языка не само падает, и не самим говорящим сбрасывается в виде речи,—а его снимает догадливый собеседник: *Peter hat ihr das Wort von der Zunge genommen*—‘Петр снял слово с ее языка’, то есть, Петр предвосхитил ее мысль, высказал эту мысль за нее.

3.2. Действующий органический язык

О языке в этой функции говорят как о том, что хорошо или плохо работает, дает сбой, теряет силы, вновь обретает силы и т. п.

3.2.1. Нормально функционирующий язык

Предикаты *язык хорошо подвешен / привешен* у X-а особенно часты в причастной форме, свидетельствуют о фамильярности и обычно, но не всегда, имеют оттенок неодобрения. Невежливо похвалить начальника за то, что у него *язык хорошо подвешен*; однако вряд ли имеется отрицательная оценка в следующих употреблениях: *Прерывать выступавших особенно старался высокоголовый злодей-подполковник, очень хорошо у него был подвешен язык и имел он перед нами преимущество безнаказанности* (Солженицын)⁸⁰. *Хорошо подвешенный язык* — образ языка колокола, который отвязали, и который поэтому свободно болтается.

Менее фамильярны выражения: *иметь бойкий язык и быть бойким на язык*, упоминающие 'хорошо бьющий' язык, например: *Кроме того, наш парень, наглый и очень бойкий на язык дома, совершенно меняется с чужими людьми* (Трифонов).

Когда язык плохо вяжется, имеется в виду отсутствие бойкого языка, например: *У меня язык плохо вяжется, но вы простите-с* (Достоевский). Поэтому *развязать язык (кому)* — *язык развязался* — (подробный анализ см. [Телия ред. 1995, 227—228]) характеризуют переход от намеренной или непреднамеренной сдержанности, молчаливости — к свободно текущей речи, например: *«Дарья Александровна!» — сказал он, теперь прямо взглянув в доброе взволнованное лицо Долли и чувствуя, что язык его невольно развязывается* (Л. Н. Толстой)⁸¹.

Есть параллели бойкому языку в других языках, однако часто с иной внутренней формой. Так, по-датски можно сказать *være godt skåret for tungebåndet* — (разг.) *иметь хорошо подвешенный язык* (*tungenbånd* — подъязычная уздечка; то есть 'быть хорошо зазубренным для подъязычной уздечки'); в армянском — *լեզվի փակ(ին) ուլոր փուշ չկա* (*лезви так(ин) воскор n'уш ч'ка*) — 'у подъязычной кости колючки нет'; по-фински: *liukas kieli* — 'скользящий язык'; по-венгерски: *jól fel van vágva a nyelve, jól pereg* (букв.: 'кружится, струится') *a nyelve* — у него язык хорошо подвешен; по-литовски — *gera (aštru) liežuvi turėti (galėti daug arba sąmojingai, geliančiai kalbėti)* — 'хороший (острый) язык иметь' (т. е. мочь много или остроумно, умело говорить); по-французски: *il a la langue bien pendue / bien affilée* — 'у него хорошо подвешен / отточен язык', *il n'a pas sa langue dans sa poche* 'у него язык не в кармане', *langue dorée* — 'позолоченный язык' (иронически: златоуст). В латинском языке иронический привкус имеют такие производные от *lingua* прилагательные, как *linguātulus*, *linguātus*, *linguōsus*. Испанское *lenguaraz* зафиксировано в словаре как 'переводчик, знающий несколько языков' и как 'болтун; наглый, дерзкий'. В армянском: *լեզվալի* (*лезвани*) — языкастый, бойкий на язык. В татарском *тасма тел* — краснобай ('ленточный язык'), *телчэн / телдәр* — 'говорун, острый на язык', *теллэнУ* — 'краснобайствовать', *теллелэнУ* — 'злословить'.

Нейтрален по-русски предикат *хорошо владеть языком*, с неспецифическим обстоятельством *хорошо*. Более богаты специфическими средст-

вами передачи этого качества речи через качества языка в нейтральном ключе другие языки. Так, в немецком лексикализованы нейтральные или возвышенные предикаты и эпитеты: *Zungenfertigkeit* — умение хорошо говорить (датское буквальное соответствие — *tungefærdig* — говорливый), *ein gewandter Zungenschlag* — ловкий удар языком (то есть ловко вставленное словечко), *eine beredte Zunge* — красноречивый язык; *in Zungen reden* — (высок.) говорить на (разных) языках, то есть быть полиглотом; *geläufige* (или *gelenkige, fertige, flinke*) *Zunge* — беглый (или гибкий, умелый, ловкий) язык. Английские аналоги: *to have a glib* (или *ready, fluent*) *tongue* — иметь бойкий язык. В таджикском имеем: *бо забоне ошно будан* — знать какой-либо язык, владеть каким-либо языком; *забондон* — знаток языка, *забоновар* — книжн. красноречивый (букв. язык-приносящий); *аз зери забон баровардан* — ухищряться в красноречии при расхваливании кого-либо (а также: 'понимать слова иносказательно').

В арабском имеется довольно большое количество подобных дериватов, например: *طلاقة اللسان* (Тала:Кату л-луса:ни) — красноречие (веселость, плавность речи), *لسن* (ласанун) — красноречие, *لسن لاسина* (презенс *يلسن* йалсану) *لسن* (ласанун) — отличаться красноречием, быть красноречивым (но ср.: *لسن لасана* (презенс *يلسن* йалсуну) *لسن* ласнун — словить о ком-либо, поносить кого-либо — с другой огласовкой в презенсе и масдаре!); *السن* *алсану* (= *لسن* ласинун) (ж. *لسناء* лусна:у) мн. *لسن* (луснун) — красноречивый.

Наконец, английское *to have a tongue in one's head* особенно уместно в обращении к человеку молчащему, когда надо высказываться.

3.2.2. Временное нарушение или потеря речи

Предикаты группы лишения или неполной дееспособности языка приписывают языку разные семантические роли⁸².

Первый случай: органического языка лишаются⁸³ (его теряют или просто не имеют) или полностью выводят из строя; везде при этом язык в объектной роли, а его владелец бывает подлежащим:

— из-за поражения мозга: *Со второго щелчка / Лишился поп языка* (Пушкин); человек теряет контроль над языком вообще, а не только над органическим языком;

— от чувств: *Язык и ум теряя разом, / Гляжу на вас единым глазом: / Единый глаз в главе моей* (Пушкин); *Теряет язык, абонемент / На бурю слез в глазах валькирий, / И в жар всем небом онемев, / Топить мачтовый лес в эфире* (Пастернак);

— в результате интоксикации: *Уж до того дошел, что язык пропил, слова путного сказать не умеет* (Достоевский); *Что жмешься? Где деньги спрятаны? Языка в тебе, шут, нету, что ли? Что молчишь?* (Чехов);

— язык выводят из строя, особенно часто — проглатывают, вывихивают, ломают: *«Как будто язык проглотил», — сказала она с досадой* (Каверин); *Лев Глево... Лев Глебович? Ну и имя у вас, батенька, язык вывихнуть*

можно... (Набоков); «Послушай, ты, наглая птица!» — свирепо заорал столляр. «Довольно я **ломал** язык, полностью выговаривая твое проклятое имя!» (А. Волков)⁸⁴.

Ломают язык, когда небезукоризненно владеют языком или нарочно, когда с языком обращаются, как с игрушкой⁸⁵: «О нет! Это может кто подтвердить!» — Начиная говорить **ломаным** языком, чрезвычайно уверенно ответил профессор и неожиданно таинственно поманил обоих приятелей к себе поближе (Булгаков). Установить, преднамеренно ли ломают язык, не всегда удается. Например: Месяцев за десять совместной сидки он только научил Эрика **ломаному** русскому языку и поддержал возникшее в нем отвращение к голубым фуражкам (Солженицын). Если сам учитель говорил не на ломаном языке, то ученик просто недоучился; ломаным является язык только ученика. Если же учитель плохо изъяснялся по-русски (как это часто бывает вне метрополии), то и ученики ничему другому и не могли научиться.

Экспериментаторский характер носят такие употребления: Язык, притупленный графит карандашный, / Не **вытащить** из деревянной оправы губ (Шершеневич); «Как так?»; А грудь стесняется — без языка — тиха: / Уже не я пою — поет мое дыханье — / И в горных ножнах слух, и голова глуха... (Мандельштам). Образ **грудь без языка** — свидетельство того, что язык как 'дар речи' полностью разошелся с органическим. На этом фоне более нейтрально звучит: Никому б не открыли наш заговор **безязыкие** ивы, / Сохранила б молчанье одинокая в небе звезда (Есенин). Ивы без языка менее необычно, чем **грудь без языка**. И вполне нормально: Мы народ без языка, а из начальства свои на своего же доносить не станут (Достоевский).

Второй случай (каузация первого случая): язык отнимают или ограничивают в движении: Бешенство **отняло** на минуту язык у господина Голядкина-старшего (Достоевский); Изумление **сковало** мне язык (Достоевский); Так и нужно объясняться — не красноречиво: гладкое красноречие неприлично при некоторых обстоятельствах, душевное волнение должно **связывать** язык (М. Чулаки)⁸⁶. В возможности такого случая народная молва сомневается: Руки свяжут, язык не завяжут! (Достоевский).

Третий случай: язык сам отнимается, отказывает, подобно мотору автомобиля. Имеем следующие случаи:

— **непосредственная причина не указывается**, констатируется невозможность органического языка нормально функционировать⁸⁷: Но слова гордого отныне / Не может **вымолвить** язык (Блок); Но, заметивши, что язык его **не мог произнести** ни одного слова, он осторожно встал из-за стола и, пошатываясь на обе стороны, пошел спрятаться в самое отдаленное место в бурьяне. Причем не позабыл, по прежней привычке своей, утащить старую подошву от сапога, валявшуюся на лавке (Гоголь); Я посмотрел ей в личико. Оно глядело так искренне, ясно и удивленно, что язык мой уже **не мог выговорить** ни одного слова (Чехов). Глагол **онеметь** в смысле

‘потерять гибкость’ (о руке, ноге, боках и т. п., на которых долго лежали, по-немецки в этом смысле говорят *einschlafen* ‘заснуть’) первоначально обозначал именно общую дисфункцию языка: *От стыда даже язык онемел, кончик* (Шукшин). Иногда больной язык является причиной дисфункции: «Вишь, как ругается!» — сказал парубок, вытаращив на нее глаза, как будто озадаченный таким сильным залпом неожиданных приветствий, — «и язык у нее, у столетней ведьмы, не **заболит** выговорить эти слова» (Гоголь);

— **полный или частичный паралич языка**, выходящего из-под контроля: *Господин Голядкин остолбенел от изумления, и на время у него язык отнялся* (Достоевский); *Я думал несколько раз завести разговор с его превосходительством, только, черт возьми, никак не слушается язык: скажешь только, холодно или тепло на дворе, а больше решительно ничего не выговоришь* (Гоголь); *Миша не сказал более ни слова... Язык его заболтался и замер...* (Чехов). Вариант этой разновидности — усталость или напуганность языка, а на самом деле — усталость или напуганность человека: *Говор приметно становился реже и глуше, и усталые языки перекупок, мужиков и цыган ленивее и медленнее поворачивались* (Гоголь); *Даже напуганные усталые языки подсудимых успевают нам все назвать и сказать* (Солженицын);

— **неполная или полная утрата способности языка поворачиваться вокруг своего корня**: *Да, черт возьми, как-то язык не поворотился, и я сказал только: «Никак нет-с»* (Гоголь); [...] *а пьяный Каленик не добрался еще и до половины дороги и долго еще угощал голову всеми отборными словами, какие могли только вспасть на лениво и несвязно поворачивавшийся язык его* (Гоголь); *И вот знаю, как полагается говорить в таких случаях, а язык не поворачивается* (Шукшин); *Мы — уже на пределе: прибрехали вот краснопогонники, язык во рту не ворочается [...]* (Солженицын)⁸⁸. *И язык мой не вывернется сказать им то, что они заслужили* (Солженицын). Вариантом этой разновидности является перифраз с творительным падежом: *Правда, уж он едва языком ворочал* (Достоевский); [...] *затем что Семен Иванович и языком не ворочал, а как будто судорогой его какой дергало, и только хлопал глазами, в недоумении устанавливая то на того, то на другого ночным образом костюмированного зрителя* (Достоевский)⁸⁹. Однако необычно такое употребление: *Научи, как ворочать / Языком, чтоб расстрогались, / Как тобой, этой ночью / Эти дрожки и щеголи* (Пастернак). Видимо, здесь соединяются обороты (еле) *ворочать мозгами / языком* и *поворачивайся* = ‘будь проворней’⁹⁰;

— **тело языка становится твердым**, язык деревенеет или костенеет: *Она силилась еще что-то проговорить, но окостенелый язык ее не мог произнести ни одного слова* (Достоевский); *Он чего-то все просил долго-долго коснеющим языком своим, а я ничего не могла разобрать из слов его* (Достоевский); *Язык его приметно одеревенел* (Достоевский); *Он покачнулся и закричал коснеющим, пьяным языком: «Ребята! Не... немцев бить!»* (Чехов)⁹¹;

— **язык становится сухим**: *Петр оживился — показал знак, чтоб они его приподняли, и, возведши очи вверх, произнес засохлым языком и невнятным голосом: «сие едино жажду мою утоляет; сие едино услаждает меня»* (Пушкин); *Будто отдирая присохший язык, закричал [...]* (А. Толстой); *Язык-то не отсохнет...* (Шукшин); в следующем примере сухость языка сочетается с потерей речевой способности и движения: *Хотел кричать — язык сухой / Беззвучен и недвижим был...* (Лермонтов);

— **язык открепляется от своего обычного места во рту, отваливается**: *Язык, что ли, отвалится?* (Достоевский); *Да я-то доложу: язык не отвалится* (Достоевский); иногда отваливается, предварительно засохнув: *Не отсыхает ли язык / У лип, не липнут листья к небу ль / В часы, как в лагере грозы / Полнеба топчется поодаль?* (Пастернак);

— **тело языка прилипает**⁹² или вязнет: *Зашел, выпил косушку, спросил целовальника, много ли прибавляется пьяниц, но в это самое время увидел Аленку и почувствовал, что язык у него прилип к гортани* (Салтыков-Щедрин); *Я, признаюсь, так воспитан, что, заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет и язык как в грязь завязнул* (Гоголь); *В минуту прощанья я отвел ее в сторону, чтоб сказать ей что-то ужасно важное; но язык мой как-то вдруг онемел и завяз* (Достоевский). Иногда, прилипнув, засыхает и в таком состоянии и остается — 'присыхает': *Я с дрожью в руках подошел к ней впитык, / Зубами стуча «Марсельезу», / К гортани присох непослушный язык... / И справа, и слева / Я ей основательно врезал!* (Высоцкий);

— **язык становится короче**, дает осечку (впрочем, чаще осекается человек, чем язык): *Вася так взглянул на него, что у Аркадия Ивановича сердце повернулось и язык осекся* (Достоевский);

— **язык делает неверное движение** и, подобно ногам, спотыкается или заплетается: *Тут от взглядов косых / горячо, как укол, / сбивается русский язык, / бормоча в протокол* (Бродский); *Язык его стал мешаться, и он пошел перескакивать с одного предмета на другой* (А. Толстой). Как и в случае других именовании частей тела (он споткнулся ногой — нога его споткнулась, он задел рукой — рука его задела, он ослабел глазами — глаза его ослабели), допустим перифраз с творительным падежом: [...] *заплетаясь языком от волнения, шепчет Петр* (Л. Леонов)⁹³ (= язык его заплетается от волнения); *Лучше ногою запнуться, чем языком* (русская поговорка).

Четвертый случай: язык в форме творительного падежа, с предикатами неполной неспособности, типа *бормотать, лепетать*, где еле содержится в семантической структуре: *Но козак чуёт, где друг, где недруг; прошумит ли пуля — валится лихой седок с коня; свистнет сабля — катится по земле голова, бормоча языком несвязные речи* (Гоголь); *В смятенье, в бешенстве немом / Она зубами скрежетала / И брату хладным языком / Укор невнятный лепетала...* (Пушкин); *В час безумья / мне кажется — еще нормален я, / когда давно Офелия моя / лепечет языком небытия* (Бродский).

Глагол *выговорить* (совершенного вида) в значении 'произнести с трудом', если употребляется без *еле*, сходен с *бормотать* и также относится к данной группе, например: «*Постой, постой,— коснеющим языком выговорил я.— Кто, ты говоришь, вышел?*» (Арк. Стругацкий).

Пятый случай: на органическом языке образуется болячка: «*Тупун вам на язык*»,— сказала вдруг княгиня Мягкая, услышав эти слова.— «*Каренина прекрасная женщина. Мужа ее я не люблю, а ее очень люблю*» (Л. Толстой)⁹⁴.

3.2.3. Язык восстанавливает свою работоспособность

Это ситуация, когда человек вновь *обретает* язык, дар речи, приходя в себя. Однако чаще в таких случаях употребляется не лексема *язык*, а *слово* или *речь*. Предикаты данной группы конструируются как антонимы или отрицания предикатов группы «временного нарушения речи». Примеры: *Там отлипнет язык от гортани, / И не страшно, а просто смешно, / Что калитка, по-птичьи картавя, / Дребезжать заставляет окно* (Галич). Очень необычно звучит следующее предложение: *Итак, возвращая язык и взгляд / к барашкам на семьдесят строк назад, / чтоб как-то их с пастухом связать [...]* (Бродский).

Предикаты «восстановления работоспособности языка» по своим свойствам зеркально повторяют предикаты «временной потери речи».

3.2.4. Сдерживание языка

Сюда относятся обороты с общим значением 'сдерживание языка', или 'намеренно не говорить', недаром верно, что *Человеку нужно два года, чтобы научиться говорить, и шестьдесят лет, чтобы научиться держать язык за зубами* (Фейхтвангер). Об удержании от речи говорят предикаты: *держать (свой) язык за зубами (или на привязи), придержать (свой) язык, прикусить (себе) язык, проглотить (только свой) язык, укоротить (себе или другому) язык*. Например: *Держи собаку на цепи, а язык на семи!* (Л. Леонов). Глагол *держи* может даже отсутствовать в тексте: ср.: «*Тссс...*» — сказал я приятелям.— «*Язык за зубами!*» (Чехов), где предикат однозначно восстанавливается, а *язык* интерпретируется как объект, а не субъект (в отличие от: *Враг за стеной!*)⁹⁵. Обороты с данной внутренней формой чрезвычайно распространены в различных языках⁹⁶. Отрицательной характеристикой человека является выражение *несдержан на язык*, например: [...] *но не возьму я в толк, / зачем он так несдержан на язык* (Бродский).

Глагол *держат* в данном употреблении семантически близок не только глаголу *удерживать / сдерживать* (в каком-то пространстве), но и *хранить*, как деньги в чулке (в обоих случаях — метафора *container*, сочетающая 'сдерживание' с 'содержанием' [Lakoff, Johnson 1980]), например: *Оба — спецы по винам. / Торгуют из-под полы / И спиртом и ко-*

каином. / Не беспокойтесь! У них / Язык на полке. / Их ищут самих / Красные волки (Есенин). Менее обычное употребление: *С гаражу я прихожу, / Язык за спину заложу / И бежу тебя по городу шукать* (Высоцкий). Здесь сочетаются сразу несколько образов: спрятать язык (как букет цветов, скажем, для того, чтобы тот, кому их дарят, не сразу их увидел), подвязать язык за спиной, как кончики шарфа, чтобы он не мешал бегать, и язык — как крылья за спиной.

Если не получается удержать язык, его приходится покалечить, например, укусить (у Пушкина даже *закусить*: *Громко крякнул, но одумался / И в молчаньи закусил язык*) или *прикусить*. Последнее — своеобразный способ фиксировать язык на месте, подобно тому, каким белье к веревке *прищипывают* специальными *прищепками*, чтобы оно не улетело. Прикусывают язык и нечаянно, и преднамеренно — профилактически или чтобы наказать себя за болтливость. Пример профилактического прикусывания: *Николая Сергеевича она боялась и при нем всегда прикусывала язык* (Достоевский). Пример нечаянного прикусывания: *Он (нечаянно) больно прикусил язык и не может говорить*.

В следующем тексте смысл первого предложения неясен, пока мы не увидим продолжение: *Колдунья прикусила язык. Действительно, что требовать с Билана, когда она сама, волшебница, с детства привычная ко всевозможным хитростям и уловкам, попала в такую простую ловушку!* (А. Волков). Возможна и двойная интерпретация: *Руф хотел спросить у провожатого, много ли таких страшных зверей у них в стране, но вспомнил недавний урок и прикусил язык* (А. Волков): прикусил язык от удивления или чтобы не проговориться. Такой образ реализуется и в игре слов: *Крепче всех держит язык за зубами тот, кому их выбили*. (Мелихан).

Тем не менее, по-русски предикат *прикусить язык* менее типичен в описании наказания себя за содеянное, чем профилактики⁹⁷. В других языках не совсем так. Так, в немецком *sich (D) in die Zunge beißen*, *X. würde sich (D) lieber die Zunge abbeißen, als ...*; *sich auf (или in) die Zunge beißen* передают скорее обе идеи; английское *to bite one's tongue off* имеет в виду досаду на болтливость; ср. также латышское *iekost mēli*, литовское *liežuvi prikausti*, итальянское *mordersi la lingua*, французское *se mordre la langue*, а в знак раскаяния — *se mordre la langue d'avoir parlé*; испанское *morderse la lengua*; татарское *теленэне мешлэ* — (от *меш* — 'зуб'; *мешлэ* — 'кусать') 'прикуси язык, держи язык за зубами!'

Этот семантический перенос, когда речь сдерживают, покалечив язык, — реминисценция казни, существовавшей еще в древности, когда язык вырезали, урезали, вырывали изо рта: *Да отрежут лгуну его гнусный язык!* (Булгаков); *Бог Нахтигаль, дай мне судьбу Пилада / Иль вырви мне язык — он мне не нужен* (Мандельштам)⁹⁸.

Совсем экзотичным является такой способ отказа от языка, как во французском: *jeter (donner) sa langue aux chats (aux chiens)* 'бросить (отдать) свой язык кошкам (или собакам)', то есть отказаться разгадать что-ли-

бо. Наконец, вне репрессий употребляется французская же поговорка: *il faut tourner sept fois sa langue dans sa bouche avant de parler* 'следует семь раз повернуть свой язык во рту перед тем, как говорить', то есть: надо хорошо взвесить свои слова перед тем, как что-либо сказать (ср. русское *семь раз отмерь, а один отрежь*, где язык не упоминается).

Язык в образе «удержание языка» является непосредственным виновником речи, зачинщиком розни и недовольства, за что и несет наказание.

3.2.5. Болтливость

Болтливый язык в еще большей степени персонаж, что-то вроде слуги человека. А болтливый человек — эллипсис для более полного (но реально по-русски невозможного) выражения болтливый языком человек⁹⁹. **Виновником болтливости является:**

— **владелец языка:** *развязать язык(и)* (свой язык, а не чужой), *распустить язык, чесать (мозолить) язык, дать волю языку*¹⁰⁰, *болтать (трепать, чесать) язык / языком, молоть* (и даже иногда *строчить* и *коло-тить*) *языком*; например: *Она жалела, что **распустила язык** и ввела в соблазн несдержанного Страшилу* (А. Волков)¹⁰¹;

— **сам язык** (предикат часто бывает производным от предиката предыдущей группы) — *язык развязался (развяжется), болтает(ся)* (немного особняком стоит *язык чешется*); например: *Глаза все же подсматривали и **языки болтали*** (Набоков)¹⁰². При этом происходит семантический перенос: *ослабеть глазами* — *глаза ослабели*, *поскользнуться левой ногой* — *левая нога поскользнулась*¹⁰³;

— **неведомая или мифическая сила**, вытягивающая язык за пределы зубов, за которыми язык следовало бы держать (см. выше): *дернуло за язык, черт дернул за язык* (то есть «угораздило сказать», что упоминается с неодобрением и досадой: ведь слова «жертвы» «невольно оборачиваются неприятностями для кого-либо» [Телия ред. 1995, 233—234], *тянуть за язык*. В последнем случае как бы никто и не виноват. Например: *И кто меня, дурака, за язык тянул?* (Высоцкий); *Черт их за язык тянет, с раздражением подумал он, отталкивая от себя листок* (Стругацкие).

Вопрос *Кто тебя за язык тянул?* является риторическим: это упрек в болтливости. В предложении с отрицанием *Я его не тянул за язык* (Лагин) также скрыто утверждение: 'он сам проболтался'. С выражением же *Его все время надо тянуть за язык* связана ситуация неразговорчивости. Аналогично в других языках, например, в литовском: *už liežuvio traukti (versti kalbėti)* — *тянуть за язык* (заставлять говорить).

Болтливый, свободно болтающийся, язык — символ многословия также в других языках¹⁰⁴. Более экзотичное выражение *язык чешется* указывает не на болтовню, а на неудержимое желание (зуд, сродни тому, когда *руки чешутся*, то есть рвутся в бой) рассказать, например: *Когда меня знакомили с Хрущевым в 1962-м году, у меня язык чесался сказать:*

«Никита Сергеевич! А у нас ведь с вами общий знакомый есть» (Солженицын); Ты уж козыряй своего, как ты своему-то полный хозяин, а в языке зуд (Л. Леонов). Странно звучало бы при этом истолкование *хотеть проболтаться*. Аналогичное есть в латышском *viņam mēle niez to pateikt* — у него язык чешется (ему не терпится) это сказать, в литовском *liežuvi niežėti (negalėti iškęsti nepasakius)* — испытывать зуд языка (не мочь терпеть, чтобы не сказать); в татарском *тел кычыта* — язык чешется, зуд в языке.

Устранение такого зуда интерпретируется как сплетни, злословие и т. п., отсюда русское *язык чесать* (примеры даны выше), в других языках передаваемое без образа *почесывания*: в финском *piestä kieltään* — чесать (трепать) языком; *päästä kielsä valloillen* — распустить язык, дать волю языку, высказаться прямо; *kieliä* — 1) передать, наябедничать, фискалить, 2) выдать, сообщить (что-либо о чем-либо); в немецком *die Zunge wetzen* — буквально поточить язык, как чистят клюв птицы (ср. русское *точить ляды*).

Меньше представлен в разных языках образ *мелющего языка*, избитая метафора языка как жернова: например, в литовском *liežuviu malti* — буквально ‘молоть языком’, то есть болтать пустяки (*niekus plepėti*). Зато можно найти другие образы, для русского не характерные: в латышском — *viņam mēle šaudas kā atspole* — у него язык работает, как челнок; во французском — *la langue va où la dent fait mal* — буквально: ‘язык идет туда, где болит зуб’, то есть (это поговорка) что у кого болит, тот о том и говорит; в армянском — *լեզվի լիջ (лезвин тал)* — буквально ‘язык дать’ (*լիջ* — полувспомогательный глагол). Своеобразен следующий татарский оборот: *тел белән тегермән тарттыру* (букв. ‘языком мельницу заставляя крутиться’) — молоть языком, то есть хвалиться, бахвалиться.

Отметим также несколько способов реализации образа болтливости, по-русски представленных только маргинально или не представленных вовсе.

— В русском языке нет эквивалента немецкому *das Herz auf der Zunge tragen* ‘носить сердце на языке’, то есть ‘быть откровенным’ (ср. в латышском: *kas uz sirds, tas uz mēles* ‘что на уме, то и на языке’). Этот оборот близок к русскому *что на уме, то на языке*, но в нем фигурирует не ум, а *сердце*¹⁰⁵. В эту же группу входит и немецкое *sich (D) die Zunge verbrennen* — «обжечь себе язык», обмолвиться, оговориться, сболтнуть лишнее.

— Своеобразны: латышский оборот *trīt mēli gar X* (‘тереть язык об X-а’) ‘перемывать косточки X-у’, и французский *un coup de langue* (‘удар языком’) ‘колкость’.

— Русских дериватов от основы *язык* с данным употреблением нет: глагол *языкатить* не нормативен, не так в других языках¹⁰⁶.

В том же, что относится к русскому образу, можно сказать, что **человек с болтающим языком уподобляется бесхарактерному мягкотелому барину, который не может найти управы на своего раба.**

4. Анатомо-гастрономический язык

На этом типе значений базируются иногда образы, например: *Средиземное море шевелится за огрызками колоннады, / как соленый язык за выбитыми зубами* (Бродский); однако образов лингвистического языка мы найдем довольно мало. Язык как орган во рту, но взятый безотносительно к речи — типичная часть тела: *Перед возмездьем не раскис / С поличным пойманный шпион — / Он с ядом ампулу разгрыз, / Но лишь язык порезал он* (Высоцкий). О таком языке безотносительно к речи говорят в трех видах контекстов: язык лижущий, симптоматический и символический.

4.1. Лижущий язык

В своем замечательном словаре русской культуры Ю. С. Степанов посвящает языку большой раздел, исходя из компромиссной внутренней формы этого слова — чего-то среднего между 'лижущим языком' и 'возвещающим языком' [Степанов 1997, 713—714]. С такой трактовкой согласуется то, что 'язык лижущий' очень ясно выделяется из остальных «нелингвистических» употреблений языка как прототипичный.

Лижущий язык упоминается в буквальном и переносном смыслах. Пример прямого смысла: *Иван Иванович если попотчивает вас табаком, то всегда наперед лизнет языком крышку табакерки, потом щелкнет по ней пальцем...* (Гоголь). В переносном смысле лижущий язык — а) очищающий, освобождающий пространство от предметов, особенно типично выражение *слизать, как корова языком*: *Целый взвод слизнули воды, / Как корова языком, / Потому что у природы / Есть такой закон природы — / Колебательный закон!* (Галич), б) ластивый язык: *Бог дал простолюдину язык вовсе не для разглагольствований, а для лизания сапог своего господина, какой господин положен простолюдину от века...* (Стругацкие).

На грани между прямым и переносным смыслами находятся следующие употребления: *Языком вылизу на иконах я / Лики мучеников и святых* (Есенин); *И когда с улыбкой мимоходом / Распрямлю я грудь, / Языком залижет непогода / Прожитой мой путь* (Есенин); *Лыками содрала твои дороги / Буря, / Синим языком вылизал снег твой — / Твою белую шерсть — / Ветер...* (Есенин).

Как прилизывание интерпретируются и 'причесывающие' действия языком: *До вечера она [собака] их ласкала, / Причесывая языком, / И струился снежок подталый / Под теплым ее животом* (Есенин); *И дворовый молчальник бык, / Что весь мозг свой на телок пролил, / Вытирая о прясло язык, / Почуял беду над полем* (Есенин).

Русскому обороту *зализывать (языком) раны*, имеющему и прямой смысл (особенно когда речь идет о животных), и переносный (тогда упоминание языка недопустимо), соответствует английский *to put a tongue into one's wound* 'положить язык в рану': [...] *we are to put our / tongues into those wounds and speak for them* [...] (Shakespeare); [...] *but were I*

Brutus, / And Brutus Antony, there were an Antony / Would ruffle up your spirits and put a tongue / In every wound of Caesar that should move / The stones of Rome to rise and mutiny (Shakespeare). Идея зализывания при этом передается только косвенно, как иногда и по-русски: *Как желна, над нею мгла металась, / Мокрый вечер липок был и ал. / Голова тревожно подымалась, / И язык на ране застывал* (Есенин).

4.2. «Симптоматический язык»

Действие языком истолковывается в симптоматическом значении как произвольное проявление, «симптом», определенного физического или душевного состояния, в русском — чаще всего усталости: *Высунув язык, мордку поднявши, / Прибежал бесенок, задыхаясь [...]* (Пушкин)¹⁰⁷.

Непроизвольные, симптоматические жесты языком бывают и звуковыми¹⁰⁸.

4.3. «Символический язык»

Символические жесты языком от симптоматических отличаются преднамеренной адресацией, явной или подразумеваемой. Язык обычно показывают, чтобы вызвать возмущение адресата: *И между тем она героя / Дразнила страшным языком* (Пушкин); *Вот часть-то этого самого удовольствия и можно находить, внезапно оговорив какого-нибудь Шиллера и высунув ему язык, когда он всего менее ожидает этого* (Достоевский)¹⁰⁹.

Показывают язык в первую очередь, чтобы вызвать возмущение, этим объясняется комический эффект от предложений типа: *Писатель в своих произведениях показывает нам простой язык* (школьное сочинение).

Поэтический образ в следующем предложении получает две интерпретации: симптоматическую и символическую: *Прodelав брешь в затишьи, / Весна идет в штыхы, / И высунули крыши / Из снега языки* (Высоцкий).

Английская функция безмолвных жестов языка, зафиксированная лексикографически, несколько шире, чем русская. Так, русскому *подать голос* соответствует английское *to give / to throw tongue*, с дополнительным значением 'громко говорить, орать; высказываться'.

5. Маргинальные значения

5.1. В одном из старых употреблений слово *язык* означало еще и 'народ', например: *Когда в виду ты всей вселенны / Наполеона посрамил, / Языки одолел сгущенны, / Защитником полсвета был* (Державин); *Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, / И назовет меня всяк сущий в ней язык* (Пушкин). Этот семантический перенос не уникален, то же значение

имело, например, и латинское *lingua*, что сохранилось в качестве реликта во французское топониме *Languedoc* (< *langue d'oc*).

Смешение языков обладает библейской коннотацией: *Но так как архитекторов у них не было, а плотники были не ученые и не всегда трезвые, то довели башню до половины и бросили, и только, быть может, благодаря этому обстоятельству избежали смешения языков* (Салтыков-Щедрин). Язык в этом употреблении можно истолковать двояко: 1) нарушение однородности отдельных языков как систем (кодексов) соглашений об употреблении знаков и 2) перемешивание между собою представителей различных народов, характеров и (национальных) интересов¹¹⁰. В обыденной речи сегодня этот оборот чаще относится к макаронической речи, под влиянием грибоедовского: *Смешенье языков — французского с нижегородским*. Итак, лингвистическое значение в этом обороте берет свое начало от маргинального значения слова язык.

5.2. 'Информатор', ср.: *На другой день, проснувшись рано, стали отыскивать «языка»* (Салтыков-Щедрин); *А где-то солдат еще в сердце осколком толкало, / А где-то разведчикам надо добыть «языка»* (Высоцкий)¹¹¹.

Омонимия слова язык — гастрономического и 'информатор из вражеского стана' используется и в игре словами: *Судьба моя лихая давно наперекос: / Однажды языка я добыл, но не донес* (Высоцкий); *ПО СВОДКАМ КГБ. Посланные в Германию наши разведчики в первый же день взяли языка. А на другой день — сыра и колбасы* (Мелихан).

5.3. Предметы в форме языка: языки пламени (огня), ботинка и т. п. В качестве курьеза отметим пример неоднозначности, когда язык интерпретируется одновременно в этом маргинальном значении и в значении 'сцена': *Я всматриваюсь в огонь. / На языке огня / раздастся «не тронь» / и вспыхивает «меня!»* (Бродский).

6. Эпитеты лингвистического и органического языков

Рассмотрим теперь типовые атрибуты языка, главным образом, эпитеты, обычно основанные на оценках¹¹², которые «народная этика» языка дает речевым действиям. В качестве исходного материала мы используем данные словаря [Горбачевич, Хабло 1979, 560—565], добавив некоторые единицы и отказавшись от наименее нетривиальных. Эпитеты любого из перечисленных ниже классов свободно присоединяются к слову язык практически в любой семантической роли последнего, образуя дополнительное измерение в семантике языка.

В результате получилась классификация, которую можно представить в табличной форме, где в левой колонке указываются эпитеты, позитивно оценивающие язык, а в правой — негативные оценки; символом *S* помечены синестетические характеристики.

6.1. Звучание

Данная группа эпитетов характеризует не язык (*langue*), а типичную речь (*parole*) на данном языке¹¹³. Коннотаций с органическим языком при этом обычно нет. По отношению к иноязычной речи, особенно азиатской, выражение *гортанный язык* наиболее распространено и также не относится к органическому языку; ведь с истолкованием 'гортанный орган речи во рту' такое выражение выглядело бы так же нелепо, как: *Вошел мальчик в кепке с чужого плеча* (Ильф и Петров)¹¹⁴.

благозвучный, звонкий, звучный, мелодический (устар.), мелодичный, музыкальный, напевный, певучий, приятный	гортанный, хриплый, чеканный
---	------------------------------

1. S на ощупь: по консистенции

мягкий, плавный, тягучий	грубый, резкий
--------------------------	----------------

2. S на вкус

сладкозвучный	(нет)
---------------	-------

6.2. Количество речи

Сюда относятся эпитеты, отражающие соблюдение или нарушение максимы количества Грайса [Grice 1989], задающей пределы странности речи.

Лаконичность противопоставляется многословию речи (не языка!):

депешный, конспективный, краткий, лаконический, лаконичный, лапидарный, немногословный, скупой, телеграфный	многоглагольный (устар.), многофразный (устар.), многословный
---	---

S в пространстве: по движению

(нет) ¹¹⁵	болтливый (разг.)
----------------------	-------------------

6.3. Качество речи

Сюда относятся эпитеты, отражающие соблюдение или нарушение максимы качества П. Грайса, нормирующей содержательную сторону,

в частности, искренность и правдивость, ср.: *Что на уме, то и на языке* (говорится об излишней откровенности):

(нет)	бабий (разг.), без костей, сорочий (разг.)
-------	--

Например: *Гусаковские мужики хмуро чесали бороды и в безмолвии дивились вредной длине бабьего языка* (Л. Леонов) (о синестезии в длинном языке будет сказано отдельно); *И без костей язык, до внятных звуков лаком, / судьбу благодарит кириллицыным знаком* (Бродский); *Язык у нее был совершенно без костей, а чувство такта явно недоразвито* (Стругацкие). Нет узуального позитивного члена: вряд ли звучит как похвала, что у Х-а язык с костями или мужской (*мужицкий язык* трактуется как грубый, а не лаконичный); *соловьиный язык* возможен разве что в качестве поэтического окказионализма и также не входил бы в эту рубрику.

S на вид: по форме и/или величине:

(нет)	длинный
-------	---------

Длинный язык может иметь как буквальный, так и переносный смысл. Первое — как анатомическая особенность речевого аппарата: *У него был язык несколько длиннее, чем следует, или что-то вроде этого, оттого он постоянно шепелявил и сюсюкал и, кажется, этим ужасно гордился, воображая, что это придает ему чрезвычайно много достоинства* (Достоевский). Намного употребительнее переносный смысл, например: *И помните, пожалуйста, что **длинный** язык может лишь принести вам и вашим близким непоправимые беды!* (Стругацкие)¹¹⁶.

Длинный язык — символ нарушения максимы качества речи не только в русском, но и в других языках¹¹⁷. По-русски нет позитивного члена, а по-татарски и по-таджикски есть — ‘короткий язык’: тат. *теле кыска* ‘(его / ее) язык короток’ говорят о том, кто боится сказать, зная свою вину; таджикское: *забони ӯ кӯтоҳ аст*, с тем же значением, *забонкӯтоҳ* ‘язык короткий’, тот, кому нечего возразить, вынужденный молчать¹¹⁸.

6.4. Простой vs. сложный язык

1. Характеристики понятности смысла. Мы можем отнести к данной группе атрибуты, сочетающиеся со словом *смысл* (например, *понятный* и его дериват *удобопонятный*), дериваты от основы *смысл*, а также те эпитеты, сочетания которых со словом *язык* допускаются предикацией *говорить так, что понять* + соответствующее наречие, образованное от эпитета. Так, *простой* и *тяжелый* относятся к данной группе, поскольку можно сказать, что некто *говорит так, что его просто / тяжело понять*.

<i>естественный</i>	<i>абсурдный, бессмысленный, запутанный, загадочный, иносказательный, искусственный, кабалистический, маловразумительный, медвежий, мудреный (разг.), мудрый, невразумительный, неопределенный, птичий, странный, схоластический, таинственный, тайный, тарабарский, чернокнижный (устар.), эзопов, эзоповский</i>
---------------------	--

1.1. S в пространстве: охват, расположение и форма

<i>простой ('прямой'), понятный (который легко взять), точный, четкий, удобопонятный (устар.)</i>	<i>заумный (т. е. лежащий «за умом»), малопонятный (понять — как поймать), непонятный</i>
---	---

1.2. S на вид: по освещенности

<i>прозрачный, ясный</i>	<i>неясный, темный</i>
--------------------------	------------------------

1.3. S на вес

<i>легкий</i>	<i>тяжелый</i>
---------------	----------------

Например: *Язык у Державина труден для восприятия*. Эти эпитеты двусмысленны, поскольку также характеризуют и предикаты продуцирования речи, см. ниже.

2. Характеристики продуцирования. Сюда попадают те характеристики усилий, затрачиваемых на речь, эпитеты образа, или стиля речи, для которых можно найти соответствующее наречие к предикации *сказать + эпитет + языком*, например: *сказать высокопарным языком*.

<i>безыскусственный, бесхитростный, будничный, бытовой, доступный, ежедневный, живой, индивидуализированный, индивидуальный, народный, натуральный (устар.), неповторимый, непринужденный, общодный, обыденный, обыкновенный, обычный, оригинальный, повседневный, подлинный, прозаический, разговорный, самобытный, свежий, человеческий</i>	<i>высокопарный, вычурный (исходное значение: 'выходящий за чур, за ограждение'), громоздкий, книжный, модный, неопределенный, попугайский (разг.), рафинированный, щегольской</i>
---	--

2.2. S на вид: по форме

изощренный	витиеватый, кудреватый (просто-реч.), корявый, кудрявый, надутый (разг.), напыщенный, натянутый, неуклюжий, приглаженный, старомодный, ходульный, цветистый
------------	---

Например: *Да-да,—огорчился Марвич,—в том-то и дело, корявый язык (Аксенов).* Отметим также, что по внутренней форме *точный язык* связан с *точкой*. *Витиеватый* исторически происходит от глагола, означавшего ‘говорить’, ср. *вития* — ‘оратор’, а тж. *совет*; в народной этимологии сближается с *вить*. *Изощренный* — от *изошрять* ‘делать тонким’. *Цветистый* — с *цветами*, а не *цветной*. Ср. французское *langage fleuri* — цветистый язык.

2.3. S на вес

легкий	тяжелый, тяжеловесный
--------	-----------------------

Например: *Неохотлив он на разговоры, тяжелый у Магары язык (Сейфуллина).* Противопоставление **тяжесть** vs. **легкость** языка имеется, например, в нем. *eine schwere Zunge haben* — «иметь тяжелый язык», т. е. быть косноязычным, испытывать трудности в продуцировании речи, но не обязательно ‘говорить трудным для восприятия языком’.

6.5. Правильный vs. неправильный

безукоризненный, безупречный, неподдельный, образцовый, правильный, чистый	безграмотный, варварский, малограмотный, неграмотный, неправильный, чудовищный
--	--

6.6. Выразительные средства языка

Сюда попадают эпитеты языка-хранилища, характеризующие язык через его **единицы**, с точки зрения доступности (в широких или узких кругах), употребительности, красоты и т. п.

богатый, выразительный, изысканный	банальный, бедный ¹¹⁹ , должностной, жалкий (разг.), казарменный, казенный, канцелярский, маловыразительный, невыразительный, провинциальный, салонный, скудный, убогий, чиновничий
------------------------------------	--

1. S на вид: по освещенности и на цвет

алмазный, блестящий, броский, живописный, зримый, искрометный, картинный, колоритный, красивый, красочный, образный, роскошный, художественный, яркий	бесцветный, бледный, серый, тусклый
---	-------------------------------------

2. S на ощупь при надавливании

гибкий, пластический	тугой
----------------------	-------

3. S на ощупь, если провести рукой по поверхности без надавливания; по форме

вытуклый, гладкий, многогранный, обработанный, отточенный, отшлифованный, рельефный, утонченный	изломанный, исковерканный, ломанный, неизящный, суконный, трафаретный
---	---

Например: «Ну, я пошел», — сказал я суконным языком, стараясь не глядеть на молодого человека (Булгаков). Ср. фин. *hänen kielensä on sujuva* — у него гладкий слог; татар. *шома тел* — «гладкий язык», т. е. увертливый. Однако немецкое *etwas geht jemandem glatt von der Zunge* — что-либо «гладко» (т. е. легко) сходит у кого-либо с языка, имеет другое значение: продуцирование речи дается кому-либо легко. Англ. *smooth tongue* «гладкий язык» — (ср. рус. *златоуст*) признак и красноречия, и лести-вости.

4. S сочность

сочный	сухой
--------	-------

6.7. Эмоциональность и установки

1. Проникнутый:

1.1. позитивными vs. негативными эмоциями и установками:

благородный, бодрый, веселый, взволнованный, гордый, ласковый, ликующий, мятежный (устар. поэт.), порывистый, поэтический, поэтичный, прекраснодушный, сердечный, страстный, торжественный, эмоциональный, энергичный	безжалостный, беспокойный, беспощадный, бесстыжий, бранчивый, дерзкий, злобный, зловещий, злой, злющий (просторечное), насмешливый, нечестивый, площадной, робкий, сварливый, слезливый, фатовской, язвительный
---	---

Например: *Как люб мне язык твой **зловещий**, / Твои молодые гроба, / Где буквы — кузнечные клещи / И каждое слово — скоба* (Мандельштам).

Многие качества языка свойственны человеческому характеру, морали, темпераменту, что поддерживается олицетворением языка-агенса (см. выше). Например, *говорить гордым языком* = *говорить так, как говорит гордый человек*. Преувеличением было бы утверждать, что язык — это сам человек. В то же время приписывание языку эпитетов и предикации, свойственных человеку (а не неодушевленному предмету), очень характерно для русского узуса. Приведем примеры этих качеств:

— **благородство**: *И там от чистого сердца, как справедливо сказали вы тотчас, и языком прямым, **благородным**... вот в эту кофейную: тогда все само собой объяснится,— вот как, Яков Петрович!* (Достоевский);

— **веселье, безмятежность**: *Отговорила роща золотая / **Березовым, веселым** языком [...]* (Есенин);

— **гордость**: *Что делать! повторяю вновь: / Донуны дамская любовь / Не изъяснялася по-русски, / Донуны **гордый** наш язык / К почтовой прозе не привык* (Пушкин)¹²⁰;

— **беспокойность, мятежность**: *Мы любим слушать иногда / Страстей чужих язык **мятежный**, / И нам он сердце шевелит* (Пушкин);

— **нечестивость, бесстыдство; язык без совести**: *Хлопцы бесятся! бесчинствуют целыми кучами по улицам. Твою милость величают такими словами... словом, сказать стыдно; пьяный москаль побоится вымолвить их **нечестивым** своим языком* (Гоголь)¹²¹;

— **злость**: *Враги-то мои, **злые**-то языки эти все что заговорят, когда без шинели пойдешь?* (Достоевский)¹²². Такой образ весьма распространен¹²³.

1.1.1. S на ощупь: по температуре / по консистенции

горячий, острый	резкий
-----------------	--------

Острота языка не зависит от того, злой человек или добрый: и добрые, и злые речи возможно сделать острым языком. Скорее существенно — позитивное — качество четкости и меткости речи, ср.: *Пусть меня ласкают нежным словом, / Пусть **острее** бритвы **злой** язык,— / Я живу давно на все готовым, / Ко всему безжалостно привык* (Есенин); *Не спорю, Гайский,— сказал Индей Гордеевич,— у вас живой ум, острый язык, но ни один ваш рассказ ни разу даже не задел то, что философия именует подсознанием...* (Арканов). Человек с острым языком перифразируется как человек, острый на язык, например: *Славку удивляло, что мать, обычно такая крикливая, **острая на язык**, с дядей Володи во всем тихо соглашалась* (Шукшин). Интересно, что тупым язык не бывает; неискушенностью можно объяснить такой ученический ляпсус: *Язык у Базарова был **тупой**, но потом **заострился** в спорах* (школьное сочинение).

В других языках наряду с образом 'острого лезвия' может употребляться и образ 'острого конца ножа'. Ср. нем. *eine spitze (scharfe) Zunge*; англ. *a sharp tongue, the tongue is not steel but (или yet) it cuts* посл. злой язык убивает (т. е. не ножа боясь, а языка); дат. *en skarp tunge* (то есть остро режущий), норв. *en spiss tunge* (то есть с острым концом), латыш. *asa tēle* — острый язык; татар. *телгә Үткен* — остер на язык.

1.1.2. S в пространстве: охват

возвышенный, высокий, приподня- тый, прямой	подлый (устар.)
--	-----------------

1.1.3. S на вкус

усладительный (устар.)	желчный, ядовитый ¹²⁴
------------------------	----------------------------------

1.1.4. S на вид: по освещенности

огненный, пламенный ¹²⁵	мрачный
------------------------------------	---------

2. Вызывающий:

2.1. позитивные или негативные эмоции:

милый, шутейный, шутливый	мерзкий, пакостный, ядовитый
---------------------------	------------------------------

Например: Скажите так... что рожа золотая / Отговорила милым языком (Есенин); Врешь ты, проклятая собачонка! Экой мерзкий язык! Как будто я не знаю, что это дело зависти (Гоголь); И на полупакостном, полувывыспренном языке, на котором он сам с собою говорил, Франц зашептал в подушку: «Будь, что будет...» (Набоков).

2.1.1. S на ощупь и по консистенции¹²⁶

крепкий, могучий, мощный	едкий, елейный, колкий, колючий (разг.), масляный, скользкий (разг.)
--------------------------	---

Например: А вот вы хорошо говорите, выпукло, ярко, крепким языком,— нате вам в оплату за вашу похвалу! (Горький). Впрочем, сказать что-то крепким языком может означать и 'крепко / грубо / невежливо / непристойно выразиться', этому языку противопоставлен хороший язык, не отклоняющийся от стандарта и в этом отношении тоже, ср.: То есть, если перевести это на хороший язык: «Кто же сейчас не пьет?» (В. Ерофеев).

2.2. доверие или недоверие:

меткий, пленительный, правдивый, прониновенный, увлекательный	коварный, лукавый, хитрецкий (разг.), хитростный (устар.)
--	--

6.8. Просто хороший vs. плохой

великолепный, великий, превосходный, прекрасный, свободный, чудесный, чудный	плохой, дикий (разг.), дурной
--	-------------------------------

6.9. Атрибуты вне классификации

Логические («терминологические») атрибуты языка обычно лишены оценочности, являются относительными прилагательными, а потому не укладываются в указанную классификацию, ср.: *архаический*, *блатной*, *газетный*, *городской*, *государственный*, *детский*, *древний*, *естественный* vs. *искусственный*, *живой* vs. *мертвый*, *звуковой*, *иностранный*, *классический*, *крестьянский*, *литературный*, *местный*, *метафизический* (устар.), *метафорический*, *мифологический*, *морской*, *научный*, *национальный*, *официальный*, *письменный*, *племенной*, *природный*, *прозаический*, *производственный*, *простонародный* (устар.), *разговорный*, *родной*, *родовой*, *современный*, *стихотворный*, *технический*, *церковный язык*. Поэтому же не укладывается в рубрикацию и определение *общий* в выражении *найти общий язык*.

7. Заключение

Итак, живая и мертвая метафоры слова *язык* взаимодействуют между собой причудливым образом, иногда трудно бывает утверждать наверняка, что в данном употреблении слова *язык* метафора *скорее мертва*, чем *жива*, а не наоборот или, точнее, что она *ни жива, ни мертва*. Получается следующая группировка употреблений слова *язык*:

1. «Лингвистический» язык:

1.1. прямые значения:

1.1.1. язык-хранилище: система словесного выражения мыслей, служащая средством общения людей, то есть, *langue* Ф. де Соссюра

1.1.2. язык как объект с инструментальным предназначением: стиль, слог; одновременно соответствует и *langue*, и *parole*, и *langage*

1.1.3. язык-сцена: средство и манера речи, общения, не обязательно вербального (*язык музыки*); что-то вроде *langage*

1.1.4. язык-агенса как творческая сила.

1.2. переносные значения (**маргинальные значения**):

1.2.1. (устар.) народ

1.2.2. пленный-информатор

2. Орган в полости рта

2.1. прямые значения (**анатомо-гастрономический язык**):

2.1.1. орган в полости рта в виде мышечного выроста для пережевывания и глотания пищи

2.1.2. материал для приготовления блюда, также называемого *язык*

2.2. переносные значения:

2.2.1. **«органический» язык**, т. е., язык как орган в полости рта, на котором речь образуется (**язык-станок**)

2.2.2. предмет, имеющий форму языка: *язык пламени, колокола, ботинка*; эти значения **маргинальны**, если нет дальнейшего переноса, когда получаем: **действующий органический язык** (*болтающий язык; развязывать язык* и т. п.), иногда олицетворяемый (**язык-агенс**).

На шкале «предметности», по возрастанию слева направо, роли и образы языка располагаются следующим образом: язык-агенс < хранилище = сцена < объект с инструментальным предназначением < органический язык.

На шкале *одушевленности* (анимасу) роли и образы располагаются так: хранилище = сцена = станок = объект с инструментальным предназначением < удержание языка < болтливость < язык-агенс.

Наиболее полно используют образ органического языка фразеологизмы.

Кроме того, мы пришли к следующим более частным выводам.

1. Обычно банальный эпитет языка дает либо позитивную, либо негативную оценку. Но есть и особые случаи.

Так, некоторые информанты считают, что *сорочий язык* — не обидная характеристика, что это случай *хорошего* языка. Однако оценочность здесь несомненна. Оценка же бывает амбивалентной и обусловленной контекстом и ситуацией речи.

2. Прототипически позитивно оцениваемый язык, как выявляется из общей картины, обладает следующими свойствами: он мелодичен, лаконичен, прост — как в продуцировании, так и для понимания (*ясен*), при этом правилен, богат, вызывает позитивные эмоции и установки и проникнут ими, ярок. Ясно, что за эпитетами стоит оценка речевого действия¹²⁷.

3. Различные категории эпитетов характеризуют различные «измерения» языка:

— группа, связанная со звучанием речи, характером произношения звуков, говорит о языке как инструменте звукопроизводства;

— группа «сказать по норме — много — мало» говорит о языке в значении «речь» — отсюда такие достоинства, как лаконичность (недоста-

ток — многословие) речи (не языка в лингвистическом смысле) и качество речи: не стоит говорить все, что в голову взбредет; ср. предикаты, указывающие на ограничение свободы языка, между прочим, содержат явную или имплицитную отрицательную оценку: *держат язык за зубами* (или *на привязи*), *закусить язык*, *придержат язык*, *прикусить язык*, *проглотить язык* (но ср. *язык проглотил*, когда говорят о вкусной еде), *укоротить язык* — в противоположность несдержанности на язык: *язык развязался* (*развяжется*), *язык чешется*, *развязать язык(и)*, *распустить язык*, *чесать* (мозолить) *язык*, *дать волю языку*, *болтать* (*трепать*, *чесать*) *языком*, *дернуло за язык*; *черт дернул за язык*, *тянуть за язык*, *слабый на язык*, *языкастый*, *язык поточить*, *языкатый*;

— параметр «простота—сложность» также относится к качествам собственно речи, а именно, с точки зрения ее понятности и с точки зрения того, какие усилия пришлось говорящему приложить, чтобы простое содержание воплотить в виде сложного текста;

— параметр «правильный—неправильный» соотносит язык и речь; правильный язык — собственно говоря, речь, соответствующая правилам, стандартам языка как свода, кодекса конвенций;

— язык считается богатым или бедным выразительными средствами, если предполагается, что за речью с большим количеством лексического и грамматического материала лежит богатая система этих средств; иначе говоря, о богатстве языка судят по щедрости, с которой говорящий «расходует» языковые ресурсы;

— эпитеты языка, приведенные в рубрике «просто хороший—плохой», являются универсальными оценочными терминами, не специфичными для языка и приложимыми к любым другим объектам.

4. Перцептивные звуковые характеристики входят в само определение языка. Однако репертуар синестезии весьма ограничен. Имеем следующую **шкалу естественности** синестетичного эпитета, по возрастанию прототипичности (представительности):

на вид (по форме / по освещенности / по цвету) < в пространстве (в охвате / по движению) < на ощупь (по консистенции / по температуре) < на вкус < на вес.

Признаки, непосредственно измеряемые (такие как форма, освещенность, изменение пространственного положения, вес), преобладают над субъективными (типа тактильных и вкусовых). Не случайно мы не находим таких абсолютно субъективных оценок, как запах: *благоуханный язык* (и еще менее вероятный *вонючий язык*) экзотичны и далеко не банальны.

5. «Зримые» характеристики (*длинный, точный, четкий, прозрачный, ясный*) ближе к прототипу обычного языка, чем «весовые» характеристики (*легкий—тяжеловесный, тяжелый*). А *длинный язык* к тому же идиоматичен. В этой группе эпитетов характеристики освещенности представлены лучше, чем характеристики цвета.

Для языка имеется больше позитивных тактильных характеристик (в основном, связанных с консистенцией), чем негативных и температурных. Оказиональный эпитет типа *шершавый* (как у В. Маяковского: *шершавым языком плаката*) связан с характеристикой поверхности, а потому звучит более естественно, чем (не зарегистрированное сочетание) *прохладный язык*.

6. На основании сказанного можно оценивать естественность окказиональных эпитетов языка¹²⁸, сопоставив их с показаниями интуиции носителя языка.

Примечания

¹ Например, Г. фон дер Габеленц исходил из трех значений слова *язык* (*Sprache*) в обыденном узусе [Gabelentz 1891, 3—4]: 1) средство выражения для мысли, то есть речь; 2) совокупность средств выражения для мысли: *язык народа, профессионального класса, писателя* и т. п.; 3) язык как *Sprachvermögen*, врожденная способность человека выражать мысли. Совершенно иным было основание классификации у А. Марти [Marty 1904, 79]: 1) в самом широком смысле—знаки, на основании которых делается вывод о физических или психических событиях: *природа* (или *история*) *говорит ясным языком*; 2) в более узком смысле—знаки психических процессов, часто подаваемые неосознанно или со скрытым намерением, а именно: а) *действия человека, «говорящие»* (более или менее *отчетливым языком*; б) *непроизвольное проявление внутренних переживаний* (восклицание радости, непроизвольный смех, плач и т. п.); 3) в еще более узком смысле—невольное сообщение о внутренней жизни с помощью каких-либо знаков—как понятных самих по себе (типа подражательных), так и условных; 4) самое узкое значение—в языкознании: сознательное сообщение о психической жизни звуками, понятными исключительно по конвенции и по привычке.

² Аристотелевская традиция выяснения смысла терминов, исходя из их обыденного значения, у философов не прерывалась. Например, для уяснения смысла слова *язык* немецкие герменевты начала 19 в. указывали, что греческое λόγος, образованное от λέγειν (лат. *legere*, класть), означало: 1) соединяющую и разъединяющую, различающую, создающую («кладущую», *legende*) и анализирующую (*zerlegende*) деятельность духа, то есть рассудок (*Vernunft*); 2) продукты и предметы рассудка, то есть умозрительные и теоретические дисциплины; 3) тот продукт рассудка, который одновременно и является органом ее, то есть язык (*Sprache*) [Ast 1808, 14].

³ В данной работе из сочинений 19 века были полностью проработаны художественные произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова; важнейшие сочинения Г. Р. Державина, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, и др. Из произведений 20 века полностью проработаны сочинения А. Ахматовой, С. Есенина, О. Мандельштама, А. Платонова, Б. Пастернака, М. Булгакова, И. Ильфа и Е. Петрова, В. Набокова, И. Бродского, главные произведения И. Бунина, А. Блока, А. Солженицына, В. Войновича и др.

⁴ Группы концепций языка [Welte 1995, 112—116]: 1) инструмент (орган)—у Платона: слова функционируют как орудия, в разной степени пригодные для ре-

шения разных задач; 2) история / развитие / изменение, особенно в связи с подходом к языку как к живому организму; 3) система элементов, или знаков (*langue* в смысле Ф. де Соссюра), привычек (Хокетт, Есперсен), социальных правил, предложений; 4) индивидуальный речевой навык (Г. Пауль); 5) то, что характеризует человека как биологический вид (*faculté de langage* у Ф. де Соссюра и универсальная грамматика у Н. Хомского); 6) зеркало духа / формальная система правил / ментально репрезентированное знание / одна из нескольких когнитивных систем (Н. Хомский); 7) средство коммуникации с точки зрения первичной функции (Мартине); 8) действие / форма человеческого поведения; 9) обработка информации / функционально (когнитивно) и прагматически мотивированная форма (когнитивная лингвистика). Авторы этих концепций далеко не всегда руководствовались значениями слова *язык* в обыденной речи. Интересную группировку концепций в сопоставлении с употреблением слова *язык* в обыденном языке см. также [Gross 1988, 20—21] и [Lieb 1987].

⁵ До прихода соссюровской терминологии в русском языкознании также часто под языком понимался «слышимый результат правильного действия мускулов и нервов» [Бодуэн де Куртенэ 1871, 77]; ср. также: «нынешний общеупотребительный язык представляет совокупность речений, которых настоящий и полный смысл определяется только исторически» [Буслаев 1881, 96—87]. В арабской средневековой лингвистической традиции в понятии 'конкретный язык' различались: система (*lugha*), узус (*`urf*) и конкретное использование в конкретном контексте (*istimal*). В рамках же системы (*lugha*) различались: потенциальная часть (*muhmal*) и реализованная часть (*mustakmal*, или *waD`*) [Moutaouakil 1982, 75].

⁶ См. статью И. Б. Левонтиной в данной книге.

⁷ Лексикографы выделяют разное количество значений у слова *язык*: в словаре [Ожегов, Шведова 1992/97, 917] — три лексемы *язык* (с разновидностями), в МАС под ред. А. П. Евгеньевой (т. 4) — восемь значений в рамках одной лексемы. А именно: 1) орган в полости рта в виде мышечного выроста у позвоночных животных и человека, способствующий пережевыванию и глотанию пищи, определяющий ее вкусовые качества; 2) орган речи; 3) (мн. *языки́* и устаревшее *язы́ки*) система словесного выражения мыслей, обладающая определенным звуковым и грамматическим строем и служащая средством общения людей; 4) разновидность речи, обладающая теми или иными характерными признаками: стиль, слог; 5) средство бессловесного общения (*язык музыки*); 6) (мн. *языки́* и *язы́ки*) устаревшее: народ, народность; 7) пленный, от которого можно узнать нужные сведения; 8) металлический стержень в колоколе или колокольчике, который, ударяясь о стенку, производит звон. В общих чертах эта рубрикация совпадает с трактовкой англ. *tongue* в Оксфордском словаре.

⁸ Далеко не во всех языках лингвистический язык именуется так же, как и анатомический, ср., английские *language* и *tongue*, немецкие *Sprache* (< *sprechen* 'говорить') и *Zunge*, литовские *kalba* (< *kalbėti* 'говорить') и *liežuvis*, латышские *valoda* и *mēle*, см. статью К. Г. Красухина в данной книге. В ряде славянских языков для именования лингвистического языка используется, кроме основы *язык*: в белорусском и украинском — *мова*, в чешском и словацком — *řeč*, *mluva*, в польском — *mowa*, см. статью С. М. Толстой в данной книге.

⁹ Контаминация лингвистического и анатомического, не органического, значений очень искусственна: *И ее невозможно покинуть, / Стиснув зубы ее не унять, / И в слова языком не продвинуть, / И губами ее не размять* (Мандельштам).

¹⁰ Ср.: «Абстрактные идеи — это лишь наименования. Если бы мы непременно хотели подразумевать под ними нечто другое, мы были бы похожи на художника, который упорно желает нарисовать человека вообще и тем не менее всегда рисует лишь индивиды» [Кондильяк 1780, 244]. Абстрактные имена являются причинами для имен конкретных предметов, а потому упорядочивают мир имен, а не вещей (о развитии этой идеи Т. Гоббса см. [Isermann 1991, 87]).

¹¹ Вслед за Н. Д. Арутюновой можно выделить четыре типа метафоры: «1) номинативная метафора (собственно перенос названия), состоящая в замене одного дескриптивного значения другим и служащая источником омонимии, 2) образная метафора, рождающаяся вследствие перехода идентифицирующего (дескриптивного) значения в предикатное и служащая развитию фигуральных значений и синонимических средств языка, 3) когнитивная метафора, возникающая в результате сдвига в сочетаемости предикатных слов (переноса значения) и создающая полисемию, 4) генерализирующая метафора (как конечный результат когнитивной метафоры), стирающая в лексическом значении слова границы между логическими порядками и стимулирующая возникновение логической полисемии» [Арутюнова 1998, 366]. Причем: «рано или поздно метафора исчезает. Наименее устойчива номинативная и генерализирующая метафора, несколько большую стойкость проявляет метафора когнитивная, наиболее устойчива образная метафора (субстантивная, адъективная и глагольная). Чем теснее связана метафора с задачами номинации, тем она менее резистентна. Переход метафоры к осуществлению вторичной для нее функции номинации исключает семантическую двуплановость, т. е. ведет, в конечном счете, к гибели метафоры» [Арутюнова 1998, 366]. Справедливы эти положения и для метафор в речи о языке.

¹² О соотношениях этих двух видов см. [Frye et al. 1983, 10].

¹³ В языкознании особенно часто язык представляется как [Welte 1995, 112—116]: игра, живой организм, культурное достояние, выражение ментальности, или 'духа' народа (В. фон Гумбольдт), духовный принцип человека (Вейсгербер), коллективный продукт истории, символический ключ к культуре, символ социального статуса, носитель социализации, средство для достижения групповой солидарности, инструмент для снятия агрессивности, средство психотерапии, инструмент власти, уменьшенная копия действительности и т. п.

¹⁴ Более того, иногда «буквальный» смысл оказывается результатом «мета-метафорического» переосмысления текста [Droste 1986, 755]. Поэтому *тропологическое* исследование (в смысле [Bibeau, Corin 1995, 7]) уместно не только в риторике, но и в исследовании истории лингвистического метаязыка, см. также [Lawler 1979] и [Amsler 1989, 251—252]. В данной работе, впрочем, такая задача не ставится.

¹⁵ При всей своей расплывчатости, понятие роли удивительно распространено в современных синтактико-семантических концепциях, особенно при истолковании того, как распределяются обязанности между аргументами многоместных предикатов [Grunau 1985, 145]. Существуют два подхода к понятиям *семантический падеж* и *роль* в когнитивизме: а) как к категории мышления (не языка), соотносимой с выражением [Fillmore 1968]; б) как к чисто языковой категории [Schlesinger 1995]. Мы же различаем следующие понятия: а) фрейм как набор прорезей, б) прорезь (внеязыковая когнитивная категория), в) роль (приписывается аргументу при учете отношения не только к предикату, но и к другим аргументам в той же предикации) и г) исполнитель (референт, приписываемый аргументу когнитивией). Семантический падеж соотносится одновременно со всеми четырьмя понятиями, отсюда типологическое своеобразие в реализации ролей различными

фреймами и падежами [Bresnan 1991, 53]. Например, исполняя роль хранилища, язык может быть не только в своем типовом падеже, но и в именительном падеже.

¹⁶ Различаются: а) онтологические роли (типа: агенс, пациенс и т. п. реального события), распределяемые между внеязыковыми сущностями; о них удачнее говорить как об исполнителях ролей, б) семантические роли—языковые реализации прототипов онтологических ролей [Dürscheid 1997, 242], проявленные в семантических выводах, вытекающих из предложений. Начиная с [Davidson 1967], полагают, что семантические роли в предложении распределяются предикацией, отражающей структуру события (о развитии этой идеи см. [Engelberg 1995]). Под ролевыми свойствами тогда понимаются различные виды или единицы, или аспекты ситуации, входящие в описание условий уместного употребления глагола (как, например, для глаголов юрисдикции) [Fillmore 1971]. Соотнесение синтаксических и семантических ролей варьируется от языка к языку [Lambrecht 1995, 183], что связано с различиями в интерпретации предложений на фоне событий [Culicover 1988, 38]. На приписывании гипотетических ролей различным членам предложения (иногда при параллельной обработке нескольких таких гипотез) основано реальное восприятие текста [Carlson, Tanenhaus 1988, 264].

¹⁷ Например, образы языка (*Sprache*) в обыденном немецком языке классифицируются так [Welte, Rosemann 1990, 97—36]: 1) языковые выражения как предметы: резервуары (хранилища), оружие, монеты (или ценности) или одежда; 2) речь как линейный процесс: поступательное движение (*Fortbewegung*), прядение, живописание, строительство, течение, приготовление и потребление еды; 3) язык как живое существо: живой организм, женщина; 4) периферийные метафоры: язык как естественная стихия (огонь, буря, взрыв) и как музыка.

¹⁸ Мы исходим при этом из гипотезы, что эпитет является «вспомогательным способом объяснения картины мира», а содержание постоянных эпитетов связано с ««семантикой» образов в системе тематического и образного строя различных литературных традиций» [Лободанов 1984, 221—222]. Справедливо для языка и замечание Н. Д. Арутюновой, сделанное по поводу характеристик лица в русском языке: отрицательные характеристики чаще выражаются существительными, а одобрительные—прилагательными [Арутюнова 1976, 344]. Действительно, оценочных существительных, таких как *жаргон*, *арго*, *волянюк* и т. п., немного.

¹⁹ Например: [...] *his extraordinary gifts—for he can speak several languages and play nearly every musical instrument* [...] (Conan Doyle).

²⁰ Например: *It was all in French, and Philip knew that she wrote in that language to show off, but he was worried all the same* (Somerset Maugham). По-русски эта конструкция используется в указании на роль языка как хранилища, например: *В русском языке есть предлоги*.

²¹ Ср. также предложение: *Человечий язык, / Чай, не птичий* (Есенин), то есть, 'Сказать по-человечьи—не то же, что сказать по-птичьи' (в просторечии: *по-человеческому*, *по-птичьему*, *по-английскому* и т. п.).

²² Например, вполне нормально предложение *В общественном парижском туалете / Есть надписи на русском языке* (Высоцкий), но забавно звучит: *Вашингтон объявил о выпуске первой партии американских долларов на русском языке* (анекдот).

²³ Например: *Гении всех веков и стран говорят на различных языках, но горит во всех их одно и то же пламя* (Чехов); *Мне бы сейчас понять, на каком языке я думаю, змеиное молоко!* (Стругацкие); *На таком же числе языков издаются газеты, которые*

впервые приобщают крестьян и пастухов-кочевников к элементарным идеям человеческой культуры (Троцкий).

²⁴ Это высказывание напоминает определение, данное Эваном Эзаром: «ДИПЛОМАТ — человек, который дважды подумает, прежде чем промолчать и который умеет молчать сразу на нескольких языках».

²⁵ В английском таким именованиям языка, кроме посессивной конструкции, соответствуют особые средства: 1) производные прилагательные и существительные с суффиксом *-ese*, обозначающие манеру речи, стиля, ментальности: *scientese* — 'научнообразный'; *cablese* — 'язык телеграмм, телеграфный стиль'; *cockneyese* — 'лондонское просторечие, язык кокни'; *computerese* — 'жаргон программистов'; *militarrese* — 'военный язык'; *Pentagonese* — 'военно-бюрократический жаргон, язык Пентагона'; *journalese* — 'газетный штамп, газетный язык'; *newspaperese* — 'газетный язык, газетные штампы, избитые газетные обороты речи'; *educationese* — 'невнятный язык педагогической науки', 'педагогическая заумь'; *childrenese* (амер.) — 'язык общения взрослых с детьми'; *officialese* — 'канцелярит, бюрократический язык'; *governmentese* — 'язык правительственных документов'; *translatorese* — 'язык переводной литературы, переводческих штампов'; *novelse* — 'язык и стиль низкопробных любовных романов, пошлый стиль'; 2) сочетания со словом *parlance* — 'манера говорить или выражаться, язык', например: *newspaper / military parlance* — 'газетный / военный язык'; *in common / ordinary parlance* — 'в просторечии'; *in legal parlance* — 'на юридическом языке'; *in more modern parlance* — 'на современном жаргоне'; *in nautical parlance* — 'на языке моряков'; *in vulgar parlance* — 'выражаясь грубо'; 3) производные существительные с суффиксом *-speak* также со значением 'язык, жаргон', например: *technospeak* — 'технический жаргон, злоупотребление технической терминологией'; *doublespeak* — 'двуличные речи'.

²⁶ У него же: язык математики, язык общественного оборота, денежный язык, язык денежного расчета, биржевой язык и т. п. В современной публицистике находим, кроме того: язык шахмат, язык науки, язык нового мира, военный языки т. п.

²⁷ Ср.: «Главной предпосылкой языкознания является существование языка. А именно это и не гарантировано. Хотя и существует теология, но неизвестно, существует ли на самом деле Бог. Так и здесь: прежде всего, нет языка (*Sprache*), а есть говорение (*Sprechen*): мое говорение, твое говорение, наше говорение сейчас и здесь, сегодня и вчера и т. д. Но наше говорение — еще не язык, а в лучшем случае разговор. Да и в нем можно сомневаться, если мое говорение кто-то еще не услышал, не понял и на него не отреагировал» [Vossler 1925, 7].

²⁸ Приведем один пример из лингвистической работы, где чередуется объективная и агентивная роли языка: *Изменилось и само отношение к языку. Новейшие изыскания в области языка внушили к нему чувство, похожее на недоверие. Раньше пользовались языком бездумно, легко и свободно. Восхищались его многообразием и неисчерпаемостью, любовались гибкостью и красочностью и любили преданной, почтительной и интимной любовью, смешанной с чувством гордости. А теперь придирчиво допытываются, добросовестно ли язык выполняет свои функции, не позволяет ли он себе каких-либо излишеств, уклоняющихся от строгих формальных предписаний логики, достаточно ли полно и точно передает «информацию», и обшаривают его, меряют вдоль и поперек мерилками объективных математических моделей. Вот так постепенно и воспиталась подозрительная отчужденность в отношениях с языком, вызвавшая чувство, близкое если не к враждебности, то, во всяком случае, недоверия к нему* [Звегинцев 1965, 384—385].

²⁹ Следуя «лексико-падежной грамматике», агенс характеризуют как воспринимаемого внешнего зачинщика (the perceived external instigator), контролирую-

щего и/или воспринимающего действие, событие или состояние [Starosta 1988, 126]. Когнитивисты говорят об агенсе как о референте прототипичного подлежащего [Klaiman 1988, 26], обладающем способностью оценивать истинность или ложность эмпирических пропозиций (иногда в результате размышлений), а также целеполаганием, выбором действия в составлении и осуществлении планов и возможностью вызывать изменения в ходе событий [Coval, Smith 1986, 28]. Одни теоретики полагают, что агент обязательно должен быть одушевленным существом, обладающим волей [Jackendoff 1972, 32], другие не считают эти свойства необходимыми для агенса [Langacker 1975, 353—354]: умирающий человек — тоже агент, но где граница между жизнью и смертью [Fillmore 1977]? Различаются также агенты, достигающие «внешних» и «внутренних» целей; последнее — когда, например, некто производит движение какой-либо частью своего тела [Diffloth 1974, 135—137]. См. также [Cruse 1973], [Richardson 1985].

³⁰ В смысле [Bremond 1973, 242]: тот, кто влияет на агенса, убеждает или разубеждает его действовать тем или иным способом, внушает идеи или вызывает эмоции и т. п.

³¹ Ср. у самого Гумбольдта: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее. Даже его фиксация посредством письма представляет собой далеко не совершенное мумиеобразное состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи. Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia). Его истинное определение может быть поэтому только генетическим. Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли. В строгом смысле это определение пригодно для всякого акта речевой деятельности, но в подлинном и действительном смысле под языком можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности. В беспорядочном хаосе слов и правил, который мы по привычке именуем языком, наличествуют лишь отдельные элементы, воспроизводимые — и притом неполно — речевой деятельностью; необходима все повторяющаяся деятельность, чтобы можно было познать сущность живой речи и составить верную картину живого языка» [Гумбольдт 1830/35, 70].

³² Например: *Кто выражается правдивым языком, / И русской Глупости не хочет бить челом!* (Пушкин); *Правдив и свободен их вещей язык / И с волей небесною дружен* (Пушкин).

³³ Ср.: «Язык — это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим; он никогда не предполагает преднамеренности и сознательно в нем проводится лишь классифицирующая деятельность» [Соссюр 1916, 52]. При этом Соссюр предостерегал от упрощений: «Многие полагают, что язык есть по существу номенклатура, то есть перечень названий, соответствующих каждое одной определенной вещи. [...] Такое представление может быть подвергнуто критике во многих отношениях. Оно предполагает наличие уже готовых понятий, предшествующих словам [...]; оно ничего не говорит о том, какова природа названия — звуковая или психическая [...]; наконец, оно позволяет думать, что связь, соединяющая название с вещью, есть нечто совершенно простое, а это весьма далеко от истины» (там же, с. 98—99). Скорее: «Язык есть система чистых значимостей, определяемая исключительно наличным состоянием входящих в нее элементов» (там же, с. 113).

³⁴ Например, еще в дососсюровской лингвистике: «Язык, как мы знаем, существует главным образом в процессе мышления и в нашей речи, как в выражении

мысли, а кроме того, наша речь включает в себе также и выражение чувствований. Язык представляет поэтому совокупность знаков» [Фортунов 1902, 111].

³⁵ Очень показательно такое высказывание Л. Ельмслева, в котором роли хранилища и инструмента незаметно совмещаются: «Язык—человеческая речь—неисчерпаемый запас разнообразных сокровищ. Язык неотъемлем от человека и следует за ним во всех его действиях. Язык—инструмент, посредством которого человек формирует мысль и чувство, настроение, желание, волю и деятельность, инструмент, посредством которого человек влияет на других людей, а другие влияют на него; язык—первичная и самая необходимая основа человеческого общества. Но он также конечная, необходимая опора человеческой личности, прибежище человека в часы одиночества, когда разум вступает в борьбу с жизнью и конфликт разражается монологом поэта и мыслителя» [Ельмслев 1943, 264—265].

³⁶ Ср.: «„Язык“—имя множества (collective term), охватывающего все объекты знания, которые позволяют говорящему эффективно пользоваться словами-знаками. [...] Слова как наиболее важные составляющие языка вполне можно считать единицами языка, хотя и следует отдавать себе отчет, что правила комбинирования слов (синтаксические правила, как их обычно называют) и специальные типы интонации, используемые при произношении слова, также являются составными частями языка» [Gardiner 1932, 21]; «Язык—любой набор (aggregate) объектов, обладающих значением либо порознь, либо в своей комбинации» [Mates 1950, 111]; «Язык—множество предложений (конечное или бесконечное), каждое из которых конечно по длине и построено на основе конечного множества элементов» [Chomsky 1957]. Причем множество это—виртуальное, а не реальное: «Именно совокупность слов и их употребление, которые в общем представляются одинаковыми в языковых актах людей, принадлежащих к определенному коллективу, мы и обозначаем названием „язык“. Говорить о „реальном существовании“ языка было бы то же, что употреблять это выражение применительно, скажем, к флорентийской живописи XV века; в последнем случае это только способ обозначения совокупности технических и стилистических приемов, которые художники того времени извлекали из созерцания соответствующих творений и, пожалуй, из непосредственного взаимного обучения, чтобы пользоваться этими приемами в своих живописных изображениях, каждый раз новых и потому влекущих за собой видоизменение как этих приемов, так и собственных представлений в области живописи» [Пизани 1947, 46]; «Язык—не застывший реестр, который каждому говорящему остается только приводить в действие для целей своего собственного высказывания. Язык сам по себе—средоточие непрестанной работы, которая воздействует на формальный аппарат, трансформирует его категории и создает новые классы. Сложные имена являются одним из этих классов» [Бенвенист 1967, 254].

³⁷ Например: *They haven't any «doesn't» in their language; they say «don't» instead. The unpolished often use «went» for «gone»* (Twain). Когда же говорят, что язык снабжает нас некоторым словом, используется не данный образ, а агентивная роль языка: [...] *and thought he touched hands with Pericles and Pheidias because to describe the object of his attentions he used the word hetaira instead of one of those, more blunt and apt, provided by the English language* (Somerset Maugham).

³⁸ Например: «Язык представляет собою не только средство для выражения мыслей, но также и орудие для мышления» [Фортунов 1904, 435]; «Язык есть орган, который—как и всякий инструмент—следует рассматривать с точки зрения цели или задачи, им решаемой» [Marty 1908, 53]; «Язык—это средство для

выражения наших мыслей в звуках человеческой речи, то есть в членораздельных звуках, образующих слова с определенным значением, понятным для говорящих лиц» [Будде 1910, 15].

³⁹ Ср.: «Язык — это орудие не только коммуникации, но также формирования и экспликации мысли» [Кацнельсон 1972, 110]; «Язык — очень грубый готовый инструмент, с помощью которого индивиды, будучи во власти своего опыта, способны, в некоторых пределах, общаться с другими. Язык даже должен быть несовершенным инструментом. Носители языка — значительно больше, чем лингвисты — осознают ограниченность языка: выражения типа *Вы понимаете, что я хочу сказать?* и *Понимаете?* очень часты. Носители языка особенно осознают недостатки и неадекватность языка при выходе за пределы известного и привычного. Итак, язык не является строгой и четкой (well-defined) системой» [Moore, Carling 1982, 14]; «В своей функции в качестве средства коммуникации язык не только передает информацию получателю, но и передает информацию о самом отправителе. Язык всегда является одновременно и инструментом идентификации. Тот способ, каким человек употребляет язык — в частности, элементы стиля, — служат такой задачей. На этом основано оперирование данными языка у юристов» [Oksaag 1988, 85]; «Язык представляет средство, посредством которого общности людей реализуются и репродуцируются во времени. [...] Именно в этой области публичного, на этой арене общепризнанных правил выражаются ценности, способы понимания и регуляция действия, характерного для общности. Нигде это выражение не бывает более детально проработанным и ясным, чем в языке» [Dimitracoroulou 1990, 1]; «Язык — инструмент для передачи значения. Структура этого инструмента отражает его функцию и может быть правильно понята только через эту функцию» [Wierzbicka 1996, 3].

⁴⁰ *Стимул* — более обычный термин, чем *посредник*. Ср. также: «Сопоставление языка с орудием — а для того, чтобы такое сопоставление было хотя бы понятным, — приходится сравнивать с орудием материальным — должно вызывать большое недоверие, как всякое упрощенное представление о языке. Говорить об орудии — значит противопоставлять человека природе. Кирки, стрелы, колеса нет в природе. Их изготовили люди. Язык же — в природе человека, и человек не изготавливал его. [...] Невозможно вообразить человека без языка и изобретающего себе язык. [...] В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека. Все свойства языка: нематериальная природа, символический способ функционирования, членораздельный характер, наличие содержания — достаточны уже для того, чтобы сравнение с орудием, отделяющее от человека его атрибут — язык, оказалось сомнительным. Безусловно, в повседневной практике возвратно-поступательное движение речи вызывает мысль об обмене, и потому та „вещь“, которой, как нам кажется, мы обмениваемся, представляется нам выполняющей орудийную или посредническую функцию, которую мы склонны гипостазировать в „объект“. Но — подчеркнем еще раз — эта роль принадлежит речи» [Бенвенист 1958, 293].

⁴¹ Ср.: «Язык — инструмент коммуникации, дважды членимый и звуковой. В основе своей, большинство лингвистов согласятся так ограничить объект своего рассмотрения. Возражения, впрочем, иногда относятся к выбору определенных терминов и к имплицитному упоминанию некоторых свойств языка. [...] Выражение *инструмент коммуникации* иногда вызывает возражения тех, кто считает язык прежде всего особым взглядом на мир. Но одно не исключает другого: „произ-

вольность“ (в соссюровском смысле слова) двойного членения предполагает анализ конкретного опыта у каждого языка, действительно согласующегося с неогумбольдтианским (или уорфовским) взглядом на отношения между языком, на котором говорят, и тем, как воспринимают действительность. Но мы в данном случае отдаем первенство анализу опыта как функции ресурсов языка, используемого в соотносительности с определенным образом восприятия действительности» [Martinet 1985, 22].

⁴² Напомним, что инструмент в падежной грамматике Филлмора—семантический падеж неодушевленной силы или объекта, каузально вовлеченных в действие или состояние, идентифицируемое глаголом [Fillmore 1968].

⁴³ Ср.: «Язык—это не вещь и не сущность, но процесс во всех своих элементах, даже мельчайших. Произнесенное слово есть не что иное, как тотчас исчезающее движение воздуха, но, будучи повторено бесчисленное количество раз, оно становится уже словом» [Шухардт 1925, 141]. Это отношение связано с именем В. фон Гумбольдта: «Язык следует рассматривать не как мертвый продукт (*Erzeugnis*), но как созидающий процесс (*Erzeugung*). При этом надо абстрагироваться от того, что он функционирует для обозначения предметов и как средство общения и вместе с большим вниманием отнестись к его тесной связи с внутренней духовной деятельностью и к факту взаимовлияния этих двух явлений» [Гумбольдт 1830/35, 69]. В популярном изложении Штейнтала читаем: «Докантовская метафизика воспринимала Бога и душу в рамках категории вещи, так что дерзко называла Бога *res cogitans*. Так и язык воспринимался как вещь, как наличное средство для обозначения представлений. Естественным можно и должно было спросить, как же происходит эта вещь? Если задавали этот вопрос, то ответ, естественно, был таков: тот, кто создал все вещи, создал также и язык—это был человек, удовлетворявший тем самым свои потребности. Когда другие—как Кратил в одноименном платоновском диалоге—утверждали, что слова происходят *physei*,—то это означало только, что имена давались с целью обозначения, а язык—целесообразная и хорошо приспособленная вещь, удобное средство познания и поучения. Когда же другие возводили язык к Богу, они [...] на первое место ставили искусственность языка, полагая, что столь чудесный предмет не мог быть делом рук какого-либо человека. Например, некоторые раввины утверждали, что первые щипцы человеку дал Бог: ведь как бы еще человек, не видя перед собой щипцов, мог бы подобные создать? То, что такой взгляд на язык как на вещь не может привести к научному языкознанию, ясно увидел Гумбольдт, первое положение которого гласит [...]: язык не является готовым статичным предметом, а чем-то каждый миг становящимся, возникающим и преходящим. Язык—не столько мертвый продукт, сколько постоянно деятельное продуцирование, не завершённый труд, *ergon*, а действенность (*Wirksamkeit*), *energeia*, короче, язык—только говорение (*Sprache ist nur Sprechen*). В заостренной формулировке можно сказать так: нет никакого языка, как нет и духа: просто человек говорит и действует духовно. Гумбольдт не мог себе представить дух иначе, как духовную деятельность, а язык для него был постоянно повторяемой работой духа, направленной на создание артикулированного звука с целью выражения мысли. В этом содержится другой пункт—единство духа и языка. [...] Ведь если дух—просто деятельность, а язык дан собственно в акте действительного создания себя посредством духа,—то язык есть именно только духовная деятельность человека, направленная на язык. Язык есть разновидность общего понятия „дух“, как понятие розы содержится в объеме понятия „цветок“. Говорение и мышление не идентичны, как не

идентичны лилия и роза, но язык и дух соотнесены как лилия и цветок» [Steinthal 1851, 4—5].

⁴⁴ Е. Курилович неоднократно солидаризировался с тем положением Порцига [Porzig 1930/31, 66—67], что «абстрактные существительные как бы резюмируют целое предложение, опираясь на его сказуемое. Это значит, что они основаны на синтаксической субстантивации сказуемого, которое может быть выражено глаголом или прилагательным» [Курилович 1936, 64, 253].

⁴⁵ Любопытное исключение — выражения типа: *Стоять дурак дураком* и *Дружба дружбой, а служба службой*.

⁴⁶ Верно это и для других предложений: *И все языком, сердцу внятным, / О нежной страсти говорит* (Пушкин), перифраз — *говорит понятно сердцу*; *Интеллигентным языком* это долго все описывать, а народ говорит об обыске так: *ищут, чего не клали* (Солженицын), перифраз — *интеллигентно*. В одном месте М. Горький пишет об ощущении адресата, пытающегося понять невразумительный язык: *Вся эта премудрость была изложена в письме, обшрифном, как доклад, и написанном таким языком, что, читая письмо, я почувствовал себя иностранцем* (Горький) — можно перифразировать: *написано так, что...*

⁴⁷ Так, по [Fillmore 1968], фактитивный объект (factitive, или cognate object, figura etymologica): падеж объекта или существа, возникающего в результате действия или состояния, идентифицируемого глаголом, или понимаемого как часть значения глагола. О. Есперсен предложил следующую трактовку этого явления: «Нексусное существительное дает простое средство для введения какой-нибудь характерной черты в форме адъюнкта, которую было бы очень трудно или невозможно присоединить к глаголу в форме субъюнкта (ср. также *fight the good fight* 'дать хороший бой', которое отличается от *fight well* 'сражаться хорошо'). Иногда эта дополнительная характеристика прибавляется как своего рода приложение, и тогда она отделяется запятой или тире, например *The dog sighed, the insincere and pity-seeking sigh of a spoilt animal* (Беннет); *Kitty laughed — a laugh musical but malicious* (Mrs. N. Ward). Аналогичный способ применяется и в других случаях, когда выразить специальное пояснение ко вторичному слову при помощи субъюнкта весьма трудно; в таком случае слово-предикатив свободно присоединяется к предложению как носитель дополнительной характеристики в форме адъюнкта: *He had been too proud to ask — the terrible pride of the benefactor* „Он был слишком горд, чтобы просить, — ужасная гордость благодетеля“ (Беннет) [...] Нередко это пояснение вводится предлогом *with*: *She was pretty, with the prettiness of twenty, I am sick with a sickness more than of body, a sickness of mind and my own shame* (Карлейль)» [Есперсен 1929, 156].

⁴⁸ Следует иметь в виду, что использование в перифразе наречий на *по-* не вполне законно, поскольку не приводит к эквивалентной замене: **допустимо сказать говорить и понимать по-русски, по-своему и т. п., однако, своим русским языком сочетается только с предикатами типа говорить, но не типа понимать.**

⁴⁹ Именно при данном фиксированном порядке слов этот оборот предполагает неформальный стиль общения (откровенно грубо по отношению к вышестоящему) и не употребляется в будущем времени и в сослагательном наклонении [Телия ред. 1995, 229].

⁵⁰ Другие примеры с личным оборотом: *Берегитесь, Шариков, — говорю русским языком!* (Булгаков); *Русским языком сказал: плюнь ты на эту уборку!* (Альтов). С элементом игры связано употребление словосочетания *русским языком* в следующих примерах: *Я ж тебе сказал русским языком печатными буквами: круглые печати ста-*

вим по четным, квадратные — по нечетным! (Альтов); При чем здесь погранзона? Это белая черта! Русским языком нарисована! (Альтов).

⁵¹ В словаре [Золотова 1988, 245] творительному падежу при глаголе *владеть* (землей, умами) приписана функция «посессивного объекта».

⁵² Ср.: «Язык — не что-то осознанное, а то, что „кто-то может“ и „кто-то знает“ (etwas Gekonntes und Gekanntes). Говорящий обладает доступом к языку не в силу того, что находится в некотором интенциональном состоянии, непосредственно направленном на язык. Говорящий *обладает навыком* своего языка: он способен реализовывать формы и значения некоторой идиолектной системы по ходу речи (говорения или писания), а слушая или читая — воспринимать речь» [Lieb 1987, 71].

⁵³ Английские выражения типа *to have a reading knowledge of a language* 'уметь читать на каком-либо языке', *to have a working knowledge of a language* 'практически владеть каким-либо языком' представляют компромисс между владением и знанием языка. Прекрасное или хорошее владение языком подается как *having a great (good, etc.) command of language*; ср. также специфически английские обороты типа *he sight-reads in four languages* 'он читает с листа на четырёх языках'; *can you make yourself understood in French?* 'вы можете объясниться на французском языке?'; *he is fluent in three languages* 'он свободно говорит на трёх языках'; *to be (to feel) at home in (or with) a foreign language* 'свободно владеть иностранным языком'; *well languaged in French and Italian* 'хорошо знающий французский и итальянский языки'.

⁵⁴ Другие примеры, также из А. П. Чехова: *Они беспокоились, что я, образованный человек, знающий языки, вместо того чтобы заниматься наукой или литературным трудом, живу в деревне, верчусь как белка в колесе, много работаю, но всегда без гроша; Благодаря отцу я и сестры знаем французский, немецкий и английский языки, а Ирина знает еще по-итальянски.*

⁵⁵ Налет «буржуазности» сохранился на знании иностранных языков в советское время, почему это знание и было подозрительным: *В 1948 году его внезапно демобилизовали. Это был уже сигнал с того света (знает языки, плавал на английском судне, к тому же эстонец, правда, петербургский) — но ведь нас питают надежды на лучшее (Солженицын).* Логика была такой: «знать иностранные языки — значит, хотеть понять врагов, — значит, быть скрытым врагом».

⁵⁶ Ср.: «Говорение есть духовное творение. Язык в собственном смысле не выучивается, а, как говорит Вильгельм фон Гумбольдт, только «пробуждается». Говорят за другими только попугаи. К тому же у попугаев нет никакого стиля и никакого языкового центра. Он, так сказать, олицетворенная языковая конвенция, чистая пассивность; он повторяет речь, но обращается с нею не творчески. В каждом есть что-то от попугая: доля недостаточности или пассивности в языковой одаренности, то есть не тот позитивный, существующий, самостоятельный принцип, на который хотела бы опереться наука. Где начинается недостаток, прекращается языковая одаренность, и там же проходит граница языкознания. Рассматривать язык как конвенцию и правило означает ненаучный подход к нему» [Voßler 1904, 38]. Иначе говоря, в усвоении языка язык является агенсом в не меньшей степени, чем человек, что противоречит обыденному узусу слова язык.

⁵⁷ Другие примеры: *Ознакомившись со специальной литературой, для чего пришлось выучить мексиканский язык, я сумел создать у себя дома для кактусов прекрасные условия, не уступающие естественным* (Альтов); *После ужина он тихо занялся английским*

языком, изредка потягивая за неизъяснимо нежное ухо Тома, который лежал у его ног (Набоков); *Ловко это ты по-ихнему насобачился!* (подслушанный разговор).

⁵⁸ Гибрид этих языков фигурирует в следующих строках: *Звезда с звездой — могучий стык, / Кремнистый путь из старой песни, / Кремня и воздуха язык, / Кремень с водой, с подковой перстень, / На мягком сланце облаков / Молочный грифельный рисунок — / Не ученичество миров, / А бред овечьих полусонок [...]* *И я теперь учу дневник / Царапин грифельного лета, / Кремня и воздуха язык, / С прослойкой тьмы, с прослойкой света, / И я хочу вложить персты / В кремнистый путь из старой песни, / Как в язву, заключая в стык / Кремень с водой, с подковой перстень* (Мандельштам); *Язык булыжника мне голубя понятней, / Здесь камни — голуби, дома как голубятни, / И светлым ручейком течет рассказ подков / По звучным мостовым прабабки городов* (Мандельштам). Последний пример, впрочем, допускает не только истолкование 'язык булыжника как пользователя', но и 'язык булыжника как знака'.

⁵⁹ Но ср.: *Любых пускают при росте больше ста восьмидесяти шести сантиметров и со знанием японского языка* (Альтов).

⁶⁰ Ср.: «Нет ничего более естественного, как представлять себе язык в виде пространства или объема, в котором люди формируют свои идеи» [Степанов 1985, 3]. В русском узусе это пространство двумерно, а не трехмерно.

⁶¹ Некоторые исследователи полагают [Baars 1997, viii-x], что наилучшее приближение к понятию сознания в когнитивной науке дает метафора сцены, «картезианского театра», вполне согласующаяся с моделями памяти [Baars 1988]. Язык-сцена тогда приравнивается сознанию. Когнитивная (или пространственная) репрезентация при этом не совпадает с перцептивной [Jackendoff 1996, 10].

⁶² Так реализуется то положение, что семантические свойства пространства и пути движения отличны от свойств объекта и материала [Jackendoff 1978, 209].

⁶³ Иногда это употребление предложного падежа с предлогом *на* квалифицируют как медиатив, специфичный для лексемы *язык* — «о языке (языках) как средстве осуществления речемыслительного действия» [Золотова 1988, 328—329], а творительный падеж *языком* характеризуется как «обозначение способа действия, в том числе через сравнение» [Золотова 1988, 233].

⁶⁴ Как известно из типологических [Friedrich 1971, 12] и когнитивистских [Svobodu 1994] исследований, естественные языки кодифицируют три характеристики пространства, к которым сводимо все многообразие: а) динамическую или статическую локализацию относительно точки отсчета (которая может быть антропологической или социокультурной; отсюда разная пространственная концептуализация улицы и дороги даже в таких близких языках, как французский — *marcher dans la rue* vs. *marcher sur la route* и испанский — *andar por la calle / la carretera* [Charaudeau 1992, 415—416]), б) уровневые параметры — вперед или назад, вверх или вниз, рядом и внутри и т. п., причем в некоторых языках нет привычных для нас отношений справа — слева, спереди — сзади, а используется ориентация по сторонам света [Levinson 1996]; в) форму — круглую, квадратную, изогнутую и т. п. Язык-сцена (как и большинство пространственных концептов [Traugott 1978, 393]) эксплуатирует только локализацию и уровневый параметр, и различие между английской и русской сценами состоит только в уровневом параметре. **Пространственные отношения, передаваемые предлогами типа английских *in* и *over*, как показано в [Talmy 1983, 279], всегда имеют более общий характер, чем остальные, «репрезентируя элементы сцены (in the way they represent elements of a scene)», поскольку таков процесс выявления когнитивной схемы событий, описы-**

ваемых речью (там же). Это наблюдение согласуется с нашим результатом: **русский предлог на** представляет сцену более конкретно, чем общечеловеческое **в**. Английское же **in** представляет сцену более обобщенно, что соответствует современным представлениям о сцене, имеющей просцениум, кулисы и иные трехмерные характеристики, отсутствующие у русской сцены-языка.

⁶⁵ По-английски имеем следующие соответствия: *substandard language, vernacular, basilect, spoken language, vulgate, conversational language* — 'разговорный язык'.

⁶⁶ Этому 'простому' языку противопоставлены всяческие усложнения: *acrolect* (наиболее рафинированная форма литературного языка), *book latin* (в переносном смысле — книжный язык вообще), *written language* — письменный язык, *literary / standard language* — литературный язык и т. п. По-английски имеется очень выразительный образ *sinewy language* 'жилистый, мускулистый язык', в который заложена аналогия с человеком физического труда, с «трудягой».

⁶⁷ Иногда сцены сосуществуют: «Затем», — сказал Остап веско, — «что вы сейчас пойдете к «Цветнику», станете в тени и будете на французском, немецком и русском языках просить подавание, упирая на то, что вы бывший член Государственной думы от кадетской фракции» (Ильф и Петров).

⁶⁸ Тотальная смена «сцены» бывает связана со сменой сценического образа самого говорящего (или пишущего): Совершенно владея с младенчества и английским и французским, я перешел бы для нужд сочинительства с русского на иностранный язык без труда, будь я, скажем, Джозеф Конрад, который, до того, как начал писать по-английски, никакого следа в родной (польской) литературе не оставил, а на избранном языке (английском) искусно пользовался готовыми формулами. Когда, в 1940 году, я решил перейти на английский язык, беда моя заключалась в том, что перед тем, в течение пятнадцати с лишком лет, я писал по-русски и за эти годы наложил собственный отпечаток на свое орудие, на своего посредника (Набоков).

⁶⁹ Ср. также: А следователь пишет протокол сам, он переводит на свой язык: в эту нашу встречу мы клеветали на политику партии и правительства в области заработной платы (Солженицын); На самом деле они и не могут отказаться от власти. Или в переводе на объективный язык: нынешнее советское общество не может обойтись без государства, ни даже — в известных пределах — без бюрократии (Троцкий); А так как резиденцией власти является Кремль, и периферия вынуждена равняться по центру, то бюрократизм неизбежно принимает великодержавный, русификаторский оттенок, предоставляя другим национальностям единственное бесспорное культурное право: славить арбифра на своем языке (Троцкий).

⁷⁰ Для В. Набокова смена родного языка равносильна была смене всего внутреннего мира: Переходя на другой язык, я отказывался таким образом не от языка Аввакума, Пушкина, Толстого — или Иванова, няни, русской публицистики — словом, не от общего языка, а от индивидуального, кровного наречия. Долголетняя привычка выражаться по-своему не позволяла довольствоваться на новоизбранном языке трафаретами, — и чудовищные трудности предстоявшего перевоплощения, и ужас расставания с живым, ручным существом ввергли меня сначала в состояние, о котором нет надобности распространяться; скажу только, что ни один стоящий на определенном уровне писатель его не испытывал до меня (Набоков). В расставании с языком как с одушевленным существом роль сцены совмещена с олицетворением языка.

⁷¹ Такой образ языка-сцены использовался в концепции сознания (consciousness) у У. Чейфа [Chafe 1994].

⁷² Ср. также: Термин «фронт» в советском военном языке означает прежде всего войсковое формирование численностью от нескольких сотен тысяч до миллиона и более солдат (Викт. Суворов) = на советском военном языке = 'в ментальности советских военных'; Но ты видением поэта / Прочтешь не в буквах, а в другом, / Что в той стране, где власть Советов, / Не пишут старым языком (Есенин) = не пишут на языке старого времени; Там он жизни небывалой / Невообразимый ход / Языком провинциала / В строй и ясность приведет (Пастернак); Говоря современным языком, это некий гормональный регулятор необычайной мощности (Стругацкие); Я твой отец, и я говорю человеческим языком, и я люблю тебя (Набоков).

⁷³ Другие примеры, большинство из которых допускает перифраз с инструментом, однако, при модификации смысла: [...] и хозяину, с которым он шутил на своем комическом дурном немецком языке [...] (Л. Н. Толстой); [...] они были в соседней комнате, и оттуда слышался их говор на странном французском языке, на котором они только и могли между собой изъясняться (Л. Н. Толстой); Во время аудиенции у Георга Пятого Чуковский, как многие русские преувеличивающий литературное значение автора «Дориана Грея», внезапно, на невероятном своем английском языке, стал добиваться у короля, нравятся ли ему произведения—«дзи воркс»—Оскара Уайльда (Набоков); Застенчивый и туповатый король, который Уайльда не читал, да и не понимал, какие слова Чуковский так старательно и мучительно выговаривает, вежливо выслушал его и спросил на французском языке, не намного лучше английского языка собеседника, как ему нравится лондонский туман—«бруар»? (Набоков); И равнодушно он выслушал все то, что стал говорить американец, перешедший вдруг на прескверный немецкий язык (Набоков); «Одно последнее слово», сказал я на своем отвратительно правильном английском языке (Набоков).

⁷⁴ Другие примеры: Вместе с Мартой они [видели во сне] отпиливали голову Пифке, хотя, во-первых, он был весь в морщинах, а во-вторых, назывался—на языке снов—Драйер (Набоков); [...] на высоком языке стратегии это называлось бы «непринятый ферзевый гамбит» [...] (Стругацкие); А так как на их языке неведомая сила носила название чертовщины, то и стали думать, что тут не совсем чисто и что, следовательно, участие черта в этом деле не может подлежать сомнению (Салтыков-Щедрин); В то же время они обнаружили свою ахиллесову пяту, не осмелившись восстановить звание генерала, которое на русском народном языке имеет слишком иронический характер (Троцкий); Экспроприация запасов зерна, притом не только у кулака, но и у середняка, именовалась на официальном языке «чрезвычайными мерами». Это должно было означать, что завтра все вернется в старую колею (Троцкий).

⁷⁵ Ср. также: Городничий. Подгулявши, человек все несет наружу: что на сердце, то и на языке (Гоголь); Может быть, это и хорошая наша черта—способность видеть свои недостатки, но мы пересаливаем, мы утешаемся иронией, которая у нас всегда готова на языке (Л. Толстой); Я вспомню речи неги страстной, / Слова тоскующей любви, / Которые в минувши дни / У ног любовницы прекрасной / Мне приходили на язык, / От коих я теперь отвик (Пушкин). По [Телия ред. 1995, 210—211], оборот '(у кого—только в единственном числе) что-то (слово, вопрос, реплика и т. п.) вертится на языке' невозможен в форме будущего времени, а порядок слов не фиксирован; выделяются два значения: 1. «Готово слететь с уст. Подразумевается желание, тяга сказать, спросить и т. п.»; 2. «Что-то похожее мелькает в памяти, вот-вот вспомнится. Имеется в виду ситуация, когда кто-либо пытается вспомнить и сказать хорошо известное, но в данный момент внезапно забытое»; например: Дети и пятаки, пятаки и дети вертелись на ее языке в непонятной, глубокой бессмыслице, от которой все отступились после тщетных усилий понять... (Достоевский).

⁷⁶ Например: *So on the tip of his subduing tongue / All kinds of arguments and question deep, / All replication prompt, and reason strong, / For his advantage still did wake and sleep* (Shakespeare); *Why, it's on the tip of your tongue. It ought to be, it must be, I'll swear it's there* (Dickens); *On the tip of Philip's tongue was the question: how much longer can he live?* (Somerset Maugham).

⁷⁷ По [Телия ред. 1995, 231], это говорится с неодобрением о чем-либо невольно некстати высказанном.

⁷⁸ У Достоевского же находим такие примеры: [...] *отчего ни смех, ни какое-нибудь бойкое словцо не слетает с языка внезапно вошедшего и озадаченного приятеля, который в другом случае очень любит и смех, и бойкое словцо, и разговоры о прекрасном поле, и другие веселые темы?*; Тут Семен Иванович поспешил было оправдаться и возразить, но разом слетевшая со всех языков могуче-форменная фраза «неоднократно замечено» окончательно осекла все его возражения...

⁷⁹ Близкое есть в латышском: *neviļus paspruka* — '(невольно) сорвалось с языка', в финском *lipsahtaa kieltä* — 'сорваться с языка', в татарском *телдән ычкыну*.

⁸⁰ Другие примеры: Превосходно **подвешенный** язык и бойкое перо, великолепные зубы и безукоризненно здоровые внутренности (Стругацкие); Физически крепкий человек, да еще с хорошо **подвешенным** языком, да еще писатель (Стругацкие). Игру буквально и небуквального смыслов имеем в таком предложении: *Не знаю, кто подвесил твой язык, но **подвешен** он хорошо* (Булгаков).

⁸¹ Другие примеры: У героев Халхин-гола и Хасана при бездействии начинали *развязываться языки* (Солженицын). Пример непреднамеренного отказа от сдержанности: *Мой язык, как шнурок, развязался, / Я кого-то ругал и оплакивал* (Высоцкий). Возможно и указание на того, кто язык развязывает: *Пытка развязала ему язык: он показал на себя новые вины* (Пушкин); *Угорю я, и мне угорелому / Пар горячий развяжет язык* (Высоцкий); *Но развяжет язык молчаливый гранит, / И холодное прошлое заговорит / О походах, боях и победах* (Высоцкий).

⁸² Далеко не во всех языках в таких случаях говорят о языке, очень часто упоминаются губы или рот. Так, в латышском русскому у меня язык не поворачивается это сказать соответствует *es to nevaru dabūt pār lūpām* 'не могу это взять на губы'.

⁸³ Ср. в английском: *to have lost one's tongue* 'замолчать, потерять дар речи; проглотить язык'.

⁸⁴ В немецком *sich (D) die Zunge (beinahe) verrenken* 'себе (Дат.) язык (почти) вывихнуть' говорится о том, что трудно произнести. В английском сходные выражения, кроме языка, как в *tongue twister* 'скороговорка', могут упоминать челюсть, например: *stuckjaw* и *jaw-breaker* 'труднопроизносимое слово'.

⁸⁵ Вспомним грозный окрик родителей ребенку: *Не ломай язык! Ты уже не маленький! Кто-нибудь испугает — так и будешь всю жизнь говорить!*

⁸⁶ Ср. в немецком: *die Angst lähmte ihm die Zunge* 'страх парализовал ему язык', в английском *tongue-tied* 'со связанным языком', т. е. принужденный молчать.

⁸⁷ Ср. в англ. *But as it is! ... My language fails! / Go out and govern New South Wales!* (Hilaire Belloc).

⁸⁸ О выражениях типа как (у кого) язык поворачивается / повернулся / повернется см. [Телия ред. 1995, 255]; ср. в таджикском *забон намегардад* 'язык не ворочается' (например, от усталости).

⁸⁹ Другие примеры: *Под другим деревом кучер вечно перегонял в медном лембике воду на персиковые листья, на черемуховый цвет, на золототысячник, на вишневые кос-*

точки, и к концу этого процесса совершенно не был в состоянии **поворотить** языком, болтал такой вздор, что Пульхерия Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать (Гоголь); Гость ворочает еле / Языком во хмелю [...] (Галич); «Откровенно сказать...» — начал он, еле **ворочая** языком, — «вчера я немножко...» (Булгаков); [...] она вперилась в меня и, с трудом **ворочая** языком, называла меня Варварой! (Набоков); Алферов, еле **ворочая** **вязким** языком, заблябал с пьяным равнодушием: «Смотрите, смотрите, это он умирает» (Набоков). Ср. в литовском: *liežuvio neapvertčia (nekalbus, labai girtas)* — 'языком не ворочает (не могущий говорить, очень пьяный)'.

⁹⁰ На контаминации двух семантически разных единиц **поворачиваться** основана игра словами в предложении: Устал до того, что язык **не поворачивается** лгать (Альтов), где риторический вопрос Как у тебя язык поворачивается лгать? контаминирован с констатацией усталости Устал до того, что язык не поворачивается.

⁹¹ *Косноязычие*, производное от 'окостенелого языка', трактуется как природный недостаток: [...] Капернауков хром и косноязычен, и все многочисленнейшее семейство его тоже косноязычное (Достоевский). Этот недостаток может сопоставляться с социальным положением: Люди беднейшие и косноязычные (Достоевский). Противоположность косноязычия — *легкоязычие*, например: Но вы, мутители палат, / Легкоязычные витии, / Вы, черни бедственный набат, / Клеветники, враги России! (Пушкин).

⁹² Ср. в армянском: *[tɒqɪn' rɒɪɪtʃ ɬɪwɪtʃɪ ɬɪwɪ t' rɪɪtʃɪ]* (лезун бр'ивел капвел кап э ынкел) — (у него) язык прилип к гортани; в английском: *one's tongue cleaved (clove или glued itself) to the roof of one's mouth* — 'у него (у нее и т. д.) язык к гортани прилип'.

⁹³ Сходство языка с двигательным аппаратом подается наглядно в немецком выражении: *die Zunge war ihm ausgerutscht* — он проговорился, обмолвился (букв. 'язык у него поскользнулся') и во французском *la langue lui a fourché* — букв. 'язык его разъехался в разные стороны' — он обмолвился.

⁹⁴ Ср. в англ.: *A blister on his sweet tongue, with my heart* (Shakespeare).

⁹⁵ Подробнее см. [Телия ред. 1995, 212, 224].

⁹⁶ Например, в латинском: *linguam (con)tenere*; в немецком *die Zunge im Zaum halten, bezäumen* (*zügeln, bezähmen, hüten, beherrschen, meistern, wahren*) — 'держат язык за оградой (обуздать; укротить, охранять, совладать, контролировать, соблюдать)'; в английском *keep a still tongue in one's head, keep one's tongue between one's teeth, hold one's tongue*; есть и пословица: *a still tongue makes a wise head*; в датском *holde tungen lige i munden, holde tand for tungen*; в норвежском *holde tungen rett i munnen* (букв. 'держат язык во рту прямым') — 'сохранять хладнокровие, говорить спокойно'; в латышском *turēt muti (mēli)* — букв. 'держат рот (или язык)', *pievaldīt mēli* — 'совладать с языком'; в литовском *liežuvį už dantų laikyti* — 'держат язык за зубами', *liežuvį pasidėjus (atidžiai) klausyti* — 'слушать (внимательно), положив язык'; во французском *tenir sa langue, avaler sa langue* — 'держат, проглотить язык (молчать, словно воды в рот набрать)'; в испанском *tener la lengua quieta* 'держат язык (в спокойном состоянии)'; в арабском *معقود اللسان* (ма'Ку:ду л-лиса:ни) — 'со скованным языком'; в армянском *[tɒqɪn' ɪrɪn' rɪwɪtʃ ɬɪwɪ ɬɪwɪtʃɪ]* (лезун атамнери так пахел) — 'держат язык за зубами', *[tɒqɪn' ɪrɪn' rɪwɪtʃ]* (лезун ирен к'ашел) — 'придержат (свой) язык', *[tɒqɪn' ɪrɪn' ɬɪwɪtʃ]* (лезвин п'ак днел) — 'держат язык под (за) замком (на замке)', *մեկը [tɒqɪn' ɬɪwɪtʃɪwɪtʃ]* (меки лезун карчац'нел) — 'укоротить кому-либо язык'; в таджикском *забон бастан* — (букв. 'связать язык') 1) замолкать, умолкать, 2) заставлять молчать, пресекать разговоры; в венгерском *nyelvére vigyázni* (= беречься, остерегаться), *féken tartani a nyelvét* — 'держат свой (3 л.) язык за зубами'; в татарском *тел йоту* — 'промолчать, смолчать (букв. проглотить язык)'; в финском *hillitä kieltänsä*.

⁹⁷ В словаре [Телия ред. 1995, 225] *прикусывать / прикусить язык* (язычок, языки, язычки) трактуется так: «Оборвать свою речь. Подразумевается опасение проговориться, сказать лишнее, а также ситуация, когда кто-либо требует замолчать, подает какой-либо знак и т. п. [...] Нет настоящего и будущего времени, редко инфинитивные конструкции».

⁹⁸ Другие примеры: *The LORD shall cut off all flattering lips, and the tongue that speaketh proud things*: (BIBLE, PSA 12:3). Ср.: «Князь же, уведав о том, **урезал** ему язык» (Салтыков-Щедрин); «Если кто-нибудь из вас / дочерей греху научит, / или мыслить их приучит, / или только намекнет, / что у них недостает, / иль двусмысленное скажет, / то — шутить я не привык — / бабам **вырежу** язык / а мужчинам нечто хуже, / что порой бывает туже!» (Пушкин); *И он к устам моим приник, / И вырвал грешный мой язык, / И празднословный и лукавый, / И жало мудрыя змеи / В уста замершие мои / Вложил десницею кровавой* (Пушкин); *И, задрожав, булат холодный / Вонзился в дерзостный язык* (Пушкин). Народная фантазия придумывает самые замысловатые способы покалечить язык: *Увидите: нашипугуют* вам на том свете язык горячими иголками за такие богомерзкие слова (Гоголь); «**Спичка тебе в язык**, проклятый кнуур!» — подумал философ и, встав на ноги, сказал: «Пойдем» (Гоголь); *А ты свою варежку закрой да и не раскрывай, пока я тебе не дам разрешения. Понял? Не то я тебе на язык наступлю* (Войнович); [...] *что, если всезнающий и все предусматривающий Быков нарочно тряхнул корабль, чтобы **прищемить** язык обнаглевшему стажеру* (Стругацкие); *Но как древние христиане, сидим мы в клетке, а на наши раненные языки **сыплют соль*** (Солженицын). Примеры профилактического самоистязания — или намерения покалечить свой язык: *И если б хоть минутный крик / Мне изменил — клянусь, старик, / Я б **вырвал** слабый мой язык* (Лермонтов); *Неужели не понятно, что я скорее **откушу** себе язык, чем хоть кому-нибудь раскрою такую тайну?* (Стругацкие); *Укороти свой поганый язык, раб!* (Стругацкие).

⁹⁹ По аналогии с такими выражениями: *красив собой; Не красна изба углами, а красна пирогами*.

¹⁰⁰ Языку-бенефактиву («ради, для кого») в этом выражении по-гречески соответствует: ὑπὸς χάριν, букв. 'ради языка', по-русски же упоминают чаще не язык, а слово: *ради красного словца*.

¹⁰¹ Другие примеры: *Стой, атаман, довольно / Об ветер язык **чесать*** (Есенин); *Прошу запомнить многих, кто теперь со мной знаком, / Чеширский кот, совсем не тот, что **чесет** языком* (Высоцкий); *Что делать, моя слабость — люблю **почесать** язык, особенно левый, и люблю послушать, как плачут побежденные* (Арк. Стругацкий); *Я б мог заставить тебя в курзале, / Чем даром языком **трепать*** (Пастернак); *И уж как начнет ученым своим языком **колотить**, так уж та-та-та!* (Достоевский); *В департаментах весен, где, повторяя обычай / Исконный в комнате зеленых ветвей, / Делопроизводитель весенних притчей / **Строчит** языком соловей* (Шершеневич); *Взял и продал в рабство, чтобы не **болтал** попусту языком, о приятнейшая в мире балда* (Лагин). Выражению *распускать / распутить язык* (языки) в [Телия ред. 1995, 228—229] посвящены две отдельные статьи. В первой отмечается фамильярный характер выражения, которое употребляется в повелительном наклонении с отрицанием, часто — как реплика в диалоге; значение его: «Не сдерживая себя, говорить непристойностями, употреблять грубые и бранные слова и выражения (говорится с неодобрением)». Второе же употребляется в повелительном наклонении обычно только с отрицанием как предостережение или угроза: «Не сдерживая себя, разглашать то, что должно быть скрыто (говорится с неодобрением)».

¹⁰² Другие примеры: [...] и уже сам он верил тому, что **плел** пьяный его язык, и уже всякий контроль и нить утеряв, начал он заговариваться, и сам же на себя и на праслину возвел (Высоцкий); нетривиальный образ встречаем у Гоголя: [...] **вскричал** Чичиков, **разинув рот** и поглядевши ему в самые глаза, не зная, сам ли он ослышался, или язык Собакевича по своей тяжелой натуре, не так поворотившись, брякнул вместо одного другое слово (Гоголь); Однако ж, несмотря на это, неутомимый язык ее **трещал** и **болтался** во рту до тех пор, пока не приехали они в пригородье к старому знакомому и куму, козаку Цыбуле (Гоголь).

¹⁰³ По-русски нет прямого соответствия следующим английским оборотам: *one's tongue runs before one's wit* 'человек сперва говорит, а потом думает', *one's tongue runs nineteen to the dozen* 'человек говорит, трещит без умолку, без конца'.

¹⁰⁴ Ср. нем. *der (seiner) Zunge freien Lauf lassen* — 'предоставить языку свободный ход', *eine lose Zunge haben* (как в английском *have a loose tongue*) — букв. 'иметь отвя-занный, то есть дерзкий язык', кому-либо *die Zunge lösen* (как в английском *loosen the tongue*, в латышском *palaist mēli* букв. 'отвязать язык' — 'заставить разговориться'; норв. *løsne tungen* 'развязывать язык (о спиртных напитках)', *få tunga på gli(d)* 'распустить свой язык'; дат. *han har fået tungen på gled (på gang)* 'у него развязался язык'; франц. *dénouer (délier) la langue* — 'развязать язык'; арм. *մեկի լեզուն բացել* (меки лезун бац'ел) 'развязать кому-нибудь язык', *լեզուն բացվեց* (лезун бац'вец) 'язык развязался', *լեզուն երկարացվեց* (лезун еркарац'нел) 'распустить язык', *լեզվի կաշիքը բախեց* (лезви каперы к'андел) 'развязать язык', *լեզվին ազատություն տալ* (лезвин азатут'йун тал) 'дать волю языку'; *լեզուն բերանով քաշվել* (лезун беранум дар'нум пттивум э) '(у кого-то) хорошо вертится язык'; тадж. *ӯ забонашро ёзонда ғиристонд* разг. 'он дал волю своему языку, он начал разглагольствовать'; араб. *ضرب بالسان* (Дараба бил-леса:ни) букв. 'ударять языком', *منطلق اللسان* (мунТалиКу л-леса:ни) букв. 'с отпущенным языком'; татар. *тел бистәсе* букв. 'свобода языка', то есть 'болтун, -ья, говорун, -ья', *тел чишү* (букв. 'развязать язык') 'заговорить с кем-либо'.

¹⁰⁵ Однако допустимо говорить о языке сердца: *Но если ты сама, предавшись уми-лению, / Печальные стихи твердила в тишине / И сердца моего язык любила страстный* (Пушкин); *Нет, я не льстец, когда царю / Хвалу свободную слагаю: / Я смело чувства вы-ражаю, / Языком сердца говорю* (Пушкин).

¹⁰⁶ В других языках находим: в латышском: *mēlot* 'болтать, ласы точить, балагу-рить, судачить', *mēļošana* 'болтовня', дериваты *mēlgale* 'зубоскалка' (*mēle* 'язык', *gals* 'конец'), *mēlgalība* 'зубоскальство'; в литовском: *liežuvauti* 'быть болтливым, болтать'; в латинском: *linguānium* (шутл.) 'расплата за необдуманные речи', *linguāx* 'болтли-вый, говорливый', *lingulāsa* 'болтун' (употреблялось также в значениях 'камбала' и 'лютик языковый'); *linguōsus* — 1) болливый, словоохотливый, 2) выразительный, 3) риторический; в испанском: *lenguaz* 'болливый; разговаривающий глупо и дерзко', *lenguilargo* 'болливый', *lenguón* (мексиканизм) 'болтун, клеветник, сплет-ник'; в таджикском: *забонрасони* 'высказывание, разговор о ком-либо; намек на же-лание иметь что-либо (доведение языка)', *забонхор* — разг. 'вызывающий на разго-вор, поневоле заставляющий говорить' (*хоридан* 'чесать, царапать'). Валлийский глагол *tafodi*, производный от именования языка ('языкатить'), имеет значение 'от-читывать, ругать'.

¹⁰⁷ Сам предикат может варьироваться: **Выронив** язык, [дворняжка] скалила коря-вые зубки (Альтов); **Шалава** лежала на кровати Карпухиных, **кокотливо свесив язык** (Альтов); **Потом, сразу успокоившись**, [собака] **затрусил** обратно и легла у ступени крыльца, **выпустил** язык и поджав одну переднюю лапу, по-львиному (Набоков). Очень

часто интерпретатор подозревает, что язык не высунут буквально, что здесь риторическое преувеличение: *На тротуарах, высунув языки и тараща глаза, бегут визитеры...* (Чехов); [...] *и ты отлично знаешь это, и все равно лезешь, карабкаешься— язык на плечо* (Стругацкие). На этом основана игра слов в следующем определении: *ТУРИСТ. Человек, который идет в поход с рюкзаком за плечами, а возвращается— с языком на плече* (Мелихан). Когда же речь идет об усердствующей собаке, прямой и переносный смыслы высунутого языка переплетаются, создавая милый образ: [...] *беганье с высунутым языком на корде, прыганье в обруч и езда верхом на старом Федоре Тимофеиче доставляли ей [Каштанке] величайшее наслаждение* (Чехов). Высыванию языка в английском соответствуют: *to flick out, hang out, protrude, put out, shoot out (one's tongue)*, например: *a lizard flicked out its tongue*— 'ящерица высунула язык', причем *to have one's tongue hanging out* означает и 'хотеть пить', и 'ожидать (чего-либо)', ср. *A lost retriever dog, with hanging tongue, circled dubiously round them, scared and wretched, and fled at my brother's threat* (H. G. Wells); [...] *and above shone imaginary fiery faces, tongues hanging from lips, glaring eyes, and other impish forms* (Th. Hardy). На необычность одного такого американского жеста обратил внимание и В. Набоков: [...] *и отвращение свое она выражала особой гримасой в ходу у американских детей, при которой растягивается рот и утолщается полувысунутый язык*.

¹⁰⁸ Например: *Лю лю ков. Имею честь поздравить, Анна Андреевна! (Подходит к ручке и потом, обратившись к зрителям, щелкает языком с видом удальства.)* (Гоголь); *К водке был подан балык, единственный! Да, не нашего балыка, которым,— при этом судья сделал языком и улыбнулся, причем нос понюхал свою всегдашнюю табакерку,— которым угощает наша бакалейная миргородская лавка* (Гоголь); *Возвратившись же, мигнул глазом и прищелкнул языком* (Чехов); *Он цокнул языком и замер* (Набоков) (у Набокова это особенно часто упоминаемый языковой жест). Непроизвольный жест языком, как и жесты вообще, бывает и благоприобретенным. Например, когда его перенимают у известного актера: *Трофимов щелкнул языком, как Матрояни в фильме «Развод по-итальянски», и стал смотреть в окно* (Токарева).

¹⁰⁹ Подробнее см. в предисловии Н. Д. Арутюновой к данной книге. Другие примеры: *В переулке окружили проклятые хлопцы, стали танцевать, дергать, высывать языки, вырывать из рук... черт с вами!..* (Гоголь); *у! у! нос — как мех в кузнице; ноздри — хоть по ведру воды влей в каждую! губы, ей-богу, как две колоды! красные очи выкатились наверх, и еще и язык высунула и дразнит!* (Гоголь); *Сегодня он написал на воротах: «Я свободен и могу». Скотина... Показала ему язык* (Чехов). У Ф. М. Достоевского неоднократно (особенно в «Записках из подполья») встречаем даже *выставить язык*: *Тут бы мне и отойти, но во мне родилось какое-то странное ощущение, какой-то вызов судьбе, какое-то желание дать ей щелчок, выставить ей язык*; *Мало того, что его оттуда гонят, выставляя ему язык,— он еще хочет завтра на нас доносить старику!*

¹¹⁰ То же и в других языках: *the confusion of tongues*, или просто *Confusion*— 'библ. смешение языков'. Например: *Destroy, O Lord, and divide their tongues: for I have seen violence and strife in the city.* (BIBLE, PSA 55:9); ... *Babylon, the wonder of all tongues* (J. Milton); *An host of tongues; but let ill tidings tell / Themselves when they be felt* (Shakespeare); *Then the Babel of many-tongued shoutings broke out, and ceased not thenceforth* (Twain). На этом взаимодействии смыслов основано употребление слова в следующем предложении: *О Саваофе! / Покровом твоим рек и озер / Прикрой сына! / Под ивой бьют его вои / И голгофят снега твои. / О ланиту дождей / Преломи / Лезвие заката... / Трубами вьюг / Возвести языки... / Но не в суд или во осуждение* (Есенин). Смысл этого обращения к Саваофу: 'расскажи народам'. Впрочем, истолковать данную цитату, перенасыщенную аллюзиями, очень трудно.

¹¹¹ Семантический перенос состоит в том, что в плену оказывается даже не представитель чужого народа, чужого языка, а носитель чуждых взглядов, ср. *А еще к проломам подкрадывались надзиратели и вполне как на диких животных или на снежного человека пытались набросить петли с крючьями и затащить к себе языка* (Солженицын); *Может быть, таким образом Управление и брало «языков» — без надзирательской веревки с крючками?* (Солженицын); *А вот еще: / В мазурочке / То шагом, то ползком / Отправились два «уточка» / В поход за «языком»!* (Галич). Следующий же шаг — в следующем использовании этого образа: *И вот, как языка, бесшумно сняли / Передний мост. И унесли во тьму* (Высоцкий).

¹¹² Об оценочности в языке подробно говорится в книге [Арутюнова 1998, 131—274]. Оценка, по Арутюновой — «отношение, выдаваемое за признак оцениваемого объекта. Оценочные пропозиции могут соединяться не только с пропозициональными глаголами мнения, но также отвечать другим коммуникативным заданиям, обычно не эксплицируемым, таким как похвала, лесть, говорение комплиментов, нанесение обиды и т. п.» [Арутюнова 1980, 230]. Эпитеты слова *язык* входят в кодекс оценок, выделяя то, что нам кажется привлекательным, достойным, подходящим, уместным и полезным в речевой деятельности и за ее пределами, ср. [Andrew 1995, xi], со следующей поправкой: «Подобная коммуникативная направленность в той степени, в какой она имплицитно преувеличенную позитивную оценку, обычно предполагает неискренность со стороны автора речи, а в той степени, в какой она имплицитно преувеличенную отрицательную оценку, предполагает искренность говорящего» [Арутюнова 1980, 230].

¹¹³ См. также статью С. В. Кодзасова в данной книге.

¹¹⁴ Например: *Китайцы стирали рубахи в Северной Двине, прямо под набережной, и, громко болтая на своем гортанно-глухом языке, растягивали их под солнцем между большими камнями* (Каверин); *Все они орли одновременно на каком-то диком гортанном языке, похожем то на клекот хищных птиц, то на свиное хрюканье, страшно выкапывая желтые белки и скаля друг на друга матово-черные зубы* (Куприн).

¹¹⁵ Ближайший вариант — *сдержанный язык* вряд ли узуален, в противоположность к обороту *говорить в сдержанных выражениях*. Однако допустимо *сдержан на язык* как характеристика человека.

¹¹⁶ По [Телия ред. 1995, 31], *длинный язык* толкуется двояко: 1. Излишняя болтливость, разговорчивость (говорится с неодобрением); 2. У кого-либо есть обыкновение распускать слухи, сплетни. Чаще с корыстными целями.

¹¹⁷ Ср. англ. *have a long tongue* — быть болтливым, разговорчивым, иметь (слишком) длинный язык, *one's tongue is too long for one's teeth* — у него (у нее и т. д.) слишком длинный язык, (австрал.) *a tongue as long as a stock-whip; Why, how now, long-tongued Warwick!* (Shakespeare); *The big librarian had left the table, perhaps ashamed of his long tongue, perhaps anxious about the storm in which his mysterious master had vanished [...]* (Chesterton); *I am ashamed of my long tongue* (Stevenson). Перенос имеется в таких употреблениях, как *Shall she live to betray this guilt of ours, / A long-tongued babbling gossip* (Shakespeare). Ср. также литов. *Ilga liežuvi turėti*; франц. *avoir la langue bien longue* — не уметь держать язык за зубами; исп. *largo de lengua* — болтун, *lengua larga* — длинный язык; арм. *երկար լեզու* (*еркар лезу*) — длинный язык; татар. *озын тел* — длинный язык. Ср. также игру слов, основанную на этом атрибуте: *Чем длинней язык, тем меньше зубов* (Мелихан).

¹¹⁸ Русское *руки коротки* очень напоминает эти обороты.

¹¹⁹ Например: «Да,—вежливо подтвердил молодой литератор,—бедноват язык» (Булгаков).

¹²⁰ Мотив гордого языка част в русской поэзии: *Но скучен нам простой и гордый твой язык, / Нас тешат блески и обманы* (Лермонтов); *Через гордый язык, / хоронясь от законности с тщанием, / от сердечных муз / пробираются память с молчанием / в мой последний пенат /—То ль слезинка, то ль веточка вербная—/ и тебе не понять, / да и мне не расслышать, наверное: / то ли вправду звенит тишина, / как на стихсе уключина, / то ли песня навзрыд сложена / и посмертно заучена* (Бродский).

¹²¹ Другие примеры: Только и ксендз у них на их же статъ, и с виду даже не похож на христианского попа: пьет и гуляет с ними и говорит **нечестивым** языком своим срамные речи (Гоголь); *Не смею вернуться в свой дом / И все говорю о пришедшем / Бесстыдным* его языком (Н. Гумилев); *Володя, за что вы меня презираете?—спросила она живо.—Вы говорите со мной каким-то особенным, простите, фатовским* языком, как не говорят с друзьями и с порядочными женщинами (Чехов); *Язык-то у тебя без совести!* (Л. Леонов).

¹²² Другие примеры: [Дед мой] Бывало, поведет речь—целый день не подвинулся бы с места и все бы слушал. Уж не чета какому-нибудь нынешнему балагуру, который как начнет москаля **везть**, да еще и **языком таким, будто ему три дня есть не давали**, то хоть берись за шапку да из хаты (Гоголь); У него был злой язык: под вывескою его эпиграммы не один добряк прослыл пошлым дураком; его соперники, завистливые водяные медики, распустили слух, будто он рисует карикатуры на своих больных—больные взбеленились, почти все ему отказали (Лермонтов); Я уже просил вас держать себя в свете так, что **злые** языки не могли ничего сказать против вас (Л. Н. Толстой); **Злой** язык сделал свое злое дело, и не помогла Ахинееву его хитрость! (Чехов); Более того, **злые** языки уже уронили слово—наушник и шпион (Булгаков). Именно на такой язык-станок и не рекомендуется попадаться: [...] я бы лучше желала попасться в лесу под нож убийцы, чем вам на язычок (Лермонтов).

¹²³ Ср., например: нем. *eine böse Zunge*, дат. и норв. *onde tunger*—злые языки; латин. *malae linguae esse* (*malam linguam habere*)—иметь злой язык; франц. *mauvaise, méchante langue*—злой язык, сплетник, сплетница; исп. *lengua mala*—злоречивый человек, клеветник, сплетник, *malas lenguas*—злые языки; тадж. *ба касе забони бад расонидаи*—дурно отзываться о ком-либо (букв. 'плохой язык приводить'); фин. *pahat kielel*, венг. *rossz nyelvek*—злые языки; татар. *усал телләр*—злые языки.

¹²⁴ Ср. нем. *eine giftige Zunge* 'ядовитый язык'. Близкий эпитет—змеиный, в русском он не является столь же банальным, как в других языках, ср. франц. *langue de serpent, de vipère*, исп. *lengua viperina, lengua de víbora*—змеиный (гадючий) язык, татар. *елан теле*—змеиный язык. Экзотичными для русского сознания являются исп. *lengua de escorpión / de hacha* 'скорпионий язык / язык топора' в том же значении. Ср. также англ. *a honey tongue, a heart of gall* «медовый язык, желчное сердце» (рус. *на устах мед, а в сердце лед, мягко стелет, да жестко сплет*). Татар. *юха тел* (юха—мифическая многоголовая змея) 'лицемер, подхалим' относится не к данной категории, а скорее к категории «неискренность».

¹²⁵ Например: *Но эта мимозовая заросль, туман звезд, озноб, огонь, медовая роса и моя мука остались со мной, и эта девочка с наглаженными морем ногами и пламенным языком с той поры преследовала меня неотвязно—покуда наконец двадцать четыре года спустя я не рассеял наваждения, воскресив ее в другой* (Набоков).

¹²⁶ Отрицательные эпитеты этой группы можно сравнить с такими, как английское *a caustic tongue* букв. «едкий язык», немецкое *eine beißende Zunge*—«кусачий,

кусающий» язык; татарское *чанечкеле тел* — колючий язык (букв. с колючками). Близки к «колючему» в других языках указания на колючее растение: татар. *билчэн тел* — «осотовый язык», *кычыткан тел* — «крапивный язык», в диалектном русском: *Крапивный у тебе лист вместо языка, Семен Савельич!* (Л. Леонов). И наоборот, нем. *glatte Zunge*, как и англ. *oily tongue* «елейный» язык — признак льстивости; англ. *a smooth tongue* — «гладкий, скользкий» язык не только признак льстивости, но и красноречия. Видимо, благодаря гладкости змеи, татар. *юха тел* (*юха* — мифическая многоголовая змея) — «лицемер, подхалим» — также относится к категории «доверие / недоверие».

¹²⁷ Обыденный язык, подобно эпистемологической теории [Zagzebski 1996, xiii], содержит моральную теорию действия, или «народную» этику, практические рассуждения которой реализуют обще- и частнооценочные прилагательные [Арутюнова 1987, 12].

¹²⁸ Например: *болезненный, громовой, динамитный, капризно-гибкий, лунно-нежный, набатный, народно-хитрецкий, перекрученный, проворный, растрепанный, солнечный, тощий, тысячестраницый, чахлый, чернотемный*.

Литература

Арутюнова 1976 — Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.

Арутюнова 1980 — Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 156—249.

Арутюнова 1987 — Арутюнова Н. Д. Практическое рассуждение и язык // Сущность, развитие и функции языка. М., 1987. С. 5—12.

Арутюнова 1998 — Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.

Бенвенист 1958 — Бенвенист Э. О субъективности в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 292—300.

Бенвенист 1962 — Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Новое в лингвистике. М., 1965. Вып. 4. С. 434—449.

Бенвенист 1967 — Бенвенист Э. Синтаксические основы именного сложения // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 241—256.

Бодуэн де Куртенэ 1871 — Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и науке // Бодуэн де Куртенэ И. Избр. труды по общему языкознанию. М., 1963. С. 47—77.

Будде 1910 — Будде Е. Ф. Основы синтаксиса русского языка // Рус. филол. вестник. Варшава, 1919. Т. 64. С. 1—61.

Буслаев 1881 — Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

Бюлер 1934 — Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка / Пер. с нем. М., 1993.

Волошинов 1929 — Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929.

Горбачевич, Хабло 1979 — Горбачевич К. С., Хабло Е. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.

Гумбольдт 1830/35 — Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / Пер. с нем. // Гумбольдт В. ф. Избр. труды по языкознанию. М., 1984. С. 34—298.

Демьянков 1989—Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М., 1989.

Демьянков 1994—Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994. № 4. С. 17—33.

Ельмслев 1943—Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 264—389.

Есперсен 1929—Есперсен О. Философия грамматики / Пер. с англ. М., 1958.

Звегинцев 1965—Звегинцев В. А. Новые черты современного языкознания // Новое в лингвистике. М., 1965. Вып. 4. С. 381—399.

Золотова 1988—Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.

Кацнельсон 1972—Кацнельсон С. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

Кондильяк 1780—Кондильяк Э. Б. де. Логика, или начала искусства мыслить // Кондильяк Э. В. де. Сочинения в трех томах. М., 1983. Т. 3. С. 183—270.

Курилович 1962—Курилович Е. Очерки по лингвистике: Сборник статей. М., 1962.

Лейбниц 1704—Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах. М., 1983. Т. 2. С. 47—545.

Лободанов 1984—Лободанов А. П. К исторической теории эпитета: (Античность и средневековье) // ИАН СЛЯ 1984. Т. 43. № 3. С. 215—226.

Ожегов, Шведова 1992/97—Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1997.

Пизани 1947—Пизани В. Этимология: История—проблемы—метод / Пер. с итал. М., 1956.

Потебня 1862—Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35—220.

Соссюр 1916—Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с франц. М., 1977. С. 31—273.

Степанов 1985—Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.

Степанов 1997—Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

Телия 1995—Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1995.

Телия 1995—Телия В. Н. ред. Словарь образных выражений русского языка. М., 1995.

Фасмер 1987—Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. Т. 4. М., 1987.

Фортунатов 1902—Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение: Общий курс // Фортунатов Ф. Ф. Избр. труды. М., 1956. Т. 1. С. 21—197.

Фортунатов 1904—Фортунатов Ф. Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Фортунатов Ф. Ф. Избр. труды. М., 1957. Т. 2. С. 427—462.

Черных 1993—Черных П. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1—2. М., 1993.

Шухардт 1925—Шухардт Г. Баскский язык и языкознание // Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию / Пер. с нем. М., 1950.

- Amsler 1989—*Amsler M.* Etymology and grammatical discourse in late antiquity and the early middle ages. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
- Andrew 1995—*Andrew E. G.* The genealogy of values: The aesthetic economy of Nietzsche and Proust. L., 1995.
- Ast 1808—*Ast F.* Grundriss der Philologie. Landshut, 1808.
- Austin 1962—*Austin J. L.* How to do things with words: (The William James lectures delivered at Harvard University). Oxford, 1962.
- Ayer 1936/46—*Ayer A. J.* Language, truth and logic. 2nd ed-n. Harmondsworth (Middlesex), 1971.
- Aylwin 1985—*Aylwin S.* Structure in thought and feeling. L.; N. Y., 1985.
- Baars 1988—*Baars B. J.* A cognitive theory of consciousness. Cambr., 1988.
- Baars 1997—*Baars B. J.* In the theater of consciousness: The workspace of the mind. N. Y.; Oxford, 1997.
- Ballmer 1982—*Ballmer T. T.* The roots of ἐπιστήμη: Archetypes, symbols, metaphors, models, theories // Poetics 1982. Vol. 11. № 4—6. P. 493—539.
- Bibeau, Corin 1995—*Bibeau G., Corin E. E.* From submission to the text to interpretive violence // Beyond textuality: Asceticism and violence in anthropological interpretation. Berlin; N. Y., 1995. P. 3—54.
- Black 1990—*Black M.* Perplexities: Rational choice, the prisoner's dilemma, metaphor, poetic ambiguity, and other puzzles. Ithaca; L., 1990.
- Boyd 1979—*Boyd R.* Metaphor and theory change: What is «metaphor» a metaphor for? // Metaphor and thought. Cambr., 1979. P. 356—408.
- Bremond 1973—*Bremond C.* Logique du récit. P.: Seuil, 1973.
- Bresnan 1991—*Bresnan J. W.* Locative case vs. locative gender // Proceedings of the seventeenth annual meeting of the Berkeley Linguistics Society: General session and parasession on the grammar of event structure. Berkeley (California), 1991. P. 53—68.
- Carlson, Tanenhaus 1988—*Carlson G. N., Tanenhaus M. K.* Thematic roles and language comprehension // Thematic relations. San Diego etc., 1988. P. 263—288.
- Chafe 1994—*Chafe W.* Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago; L., 1994.
- Charaudeau 1992—*Charaudeau P.* Grammaire du sens et de l'expression. P., 1992.
- Chisholm 1951—*Chisholm R. M.* Philosophers and ordinary language // PR 1951. V. 40. P. 317—328. Repr. // The linguistic turn: Recent essays in philosophical method. Chicago; L., 1967. P. 175—182.
- Chomsky 1957—*Chomsky N.* Syntactic structures. The Hague, 1957.
- Coval, Smith 1986—*Coval S. C., Smith J. C.* Law and its presuppositions: Actions, agents and rules. L. etc., 1986.
- Cruse 1973—*Cruse D.* Some thoughts on agentivity // J. of linguistics, 1973. Vol. 9. P. 11—23.
- Culicover 1988—*Culicover P. W.* Autonomy, predication, and thematic relations // Thematic relations. San Diego etc., 1988. P. 37—60.
- Davidson 1967—*Davidson D.* The logical form of action sentences // The logic of decision and action. Pittsburgh, 1967. 81—95.
- Denis 1989—*Denis M.* Image et cognition. P., 1989.
- Diffloth 1974—*Diffloth G.* Body moves in Senai and in French // Papers from the tenth annual meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago (Illinois), 1974. P. 128—138.
- Dimitracopoulou 1990—*Dimitracopoulou I.* Conversational competence and social development. Cambr. etc., 1990.

Droste 1986—*Droste F. G.* On metaphor and meta-metaphor // *Linguistics* 1986. Vol. 24. № 4. P. 755—771.

Dürscheid 1997—*Dürscheid C.* Perspektivierte Syntax // *Sprache im Fokus: Festschrift für Heinz Vater zum 65. Geburtstag*. Tübingen, 1997. 241—257.

Ellis 1974—*Ellis J. M.* The theory of literary criticism: A logical analysis. Berkeley etc., 1974.

Engelberg 1995—*Engelberg S.* Event structure and the meaning of verbs // *Aspekte der Sprachbeschreibung: Akten des 29. Linguistischen Kolloquiums*, Aarhus 1994. Tübingen, 1995. P. 37—41.

Everitt, Fisher 1995—*Everitt N., Fisher A.* Modern epistemology: A new introduction. N. Y. etc., 1995.

Fillmore 1968—*Fillmore C. J.* The case for case // *Universals in linguistic theory*. L. etc., 1968. P. 1—88.

Fillmore 1971—*Fillmore C. J.* Verbs of judging: An exercise in semantic description // *Studies in linguistic semantics*. N. Y. etc., 1971. P. 273—290.

Fillmore 1977—*Fillmore C. J.* The case for case reopened // *Grammatical relations*. N. Y. etc., 1977. P. 59—81.

Fraas 1996—*Fraas C.* Gebrauchswandel und Bedeutungsvarianz in Textnetzen: Die Konzepte *Identität* und *Deutsche* im Diskurs zur deutschen Einheit. Tübingen, 1996.

Frye, Baker, Perkins 1983—*Frye N., Baker S. W., Perkins G. B.* The practical imagination: An introduction to poetry. N. Y. etc., 1983.

Gabelentz 1891—*Gabelentz G. v. d.* Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Lpz., 1891.

Gardiner 1932—*Gardiner A., Sir.* The theory of speech and language. 2nd ed-n, 1951. Oxford, 1932.

Geach 1980—*Geach P. T.* Reference and generality: An examination of some Medieval and modern theories. 3rd ed-n. Ithaca; L., 1980.

Gardiner 1932—*Gardiner A.* The theory of speech and language. 2nd ed-n, 1951. Oxford, 1932.

Gibbs 1994—*Gibbs R. W. J.* The poetics of mind: Figurative thought, language, and understanding. Cambr.; N. Y., 1994.

Green, Morgan 1996—*Green G., Morgan J. L.* Practical guide to syntactic analysis. Stanford, 1996.

Grice 1989—*Grice P.* Studies in the way of words. Cambr. (Mass.); L., 1989.

Gross 1988—*Gross H.* Einführung in die germanistische Linguistik. München, 1988.

Grunau 1985—*Grunau J. J.* Towards a systematic theory of the semantic role inventory // *Papers from the annual meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, 1985. Vol. 21. P. 144—159.

Guidry 1989—*Guidry G. A.* Language, morality, and society: An ethical model of communication in Fontane and Hofmannsthal. Berkeley etc., 1989.

Hacker 1996—*Hacker P. M. S.* Wittgenstein's place in twentieth-century analytic philosophy. Oxford, 1996.

Hallyn 1985—*Hallyn F.* Symbolic order in Kepler's world // *Logic of discovery and logic of discourse*. N. Y.; L.; Ghent, 1985. P. 111—121.

Isermann 1991—*Isermann M.* Die Sprachtheorie im Werk von Thomas Hobbes. Münster, 1991.

Jackendoff 1972—*Jackendoff R. S.* Semantic interpretation in generative grammar. Cambr. (Mass.); L., 1972.

Jackendoff 1978—*Jackendoff R. S.* Grammar as evidence for conceptual structure // *Linguistic theory and psychological reality*. Cambr. (Mass.); L., 1978. P. 201—228.

- Jackendoff 1996—*Jackendoff R. S.* The architecture of the linguistic-spatial interface // *Language and space*. Cambr. (Mass.); L., 1996. P. 1—30.
- Klaiman 1988—*Klaiman M.* Affectedness and control: A typology of voice system // *Passive and voice*. Amsterdam; Philadelphia, 1988. P. 25—83.
- Lakoff, Johnson 1980—*Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago; L., 1980.
- Lambrecht 1995—*Lambrecht K.* The pragmatics of case: On the relationship between semantic, grammatical, and pragmatic roles in English and French // *Essays in semantics and pragmatics: In honor of Charles J. Fillmore*. Amsterdam; Philadelphia, 1995. P. 145—190.
- Langacker 1975—*Langacker R. W.* Functional stratigraphy // *Papers from the parasession on functionalism*. Chicago (Illinois), 1975. P. 351—397.
- Langacker 1990—*Langacker R. W.* Concept, image, and symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin; N. Y., 1990.
- Lawler 1979—*Lawler J. M.* Mimicry in natural language // *The elements: A parasession on linguistic units and levels: April 20—21, 1979: Including papers from the Conference on Non-Slavic languages of the USSR (April 18, 1979)*. Chicago, 1979. P. 81—98.
- Levinson 1996—*Levinson S. C.* Frames of reference and Molyneux's question: Crosslinguistic evidence // *Language and space*. Cambr. (Mass.); L., 1996. P. 109—169.
- Lieb 1987—*Lieb H.-H.* Sprache und Intentionalität: Der Zusammenbruch des Kognitivismus // *Sprachtheorie: Der Sprachbegriff in Wissenschaft und Alltag*. Düsseldorf, 1987. S. 11—76.
- Malcolm 1942—*Malcolm N.* Moore and ordinary language // *Philosophy of G. E. Moore*. Evanston (Illinois); Chicago, 1942. P. 345—368.
- Martinet 1985—*Martinet A.* Syntaxe générale. P., 1985.
- Marty 1904—*Marty A.* Grundfragen der Sprachphilosophie // *Anton Marty, Nachgelassene Schriften: Aus «Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie»: I. Psyche und Sprachstruktur: Mit einer Einleitung und Anmerkung*. Bern, 1940. S. 75—117.
- Marty 1908—*Marty A.* Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie: Erster Band. Halle / Saale, 1908.
- Mates 1950—*Mates B.* Synonymity. Repr. // *Semantics and the philosophy of language*. Urbana, 1952. P. 109—136.
- Merleau-Ponty 1953/60—*Merleau-Ponty M.* Eloge de la philosophie et autres essais. P., 1953 et 1960.
- Moore, Carling 1982—*Moore T., Carling C.* Understanding language: Towards a post-Chomskyan linguistics. L.; Basingstoke, 1982.
- Moutaouakil 1982—*Moutaouakil A.* Réflexions sur la théorie de la signification dans la pensée linguistique arabe. Rabat, 1982.
- Ogden, Richards 1927—*Ogden C. K., Richards I. A.* The meaning of meaning: A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism. 2nd ed-n, rev. N. Y.; L., 1927.
- Oksaar 1988—*Oksaar E.* Fachsprachliche Dimensionen. Tübingen, 1988.
- Popper, Eccles 1984—*Popper K. R., Eccles J. C.* Das Ich und sein Gehirn. 3. Aufl. München; Zürich, 1984.
- Porzig 1930/31—*Porzig W.* Die Leistung der Abstrakta in der Sprache. Repr.: *Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik: Aufsätze aus drei Jahrzehnten (1929—1959)*. Darmstadt, 1973. S. 255—268.
- Richardson 1985—*Richardson J. F.* Agenthood and ease // *Papers from the parasession on causatives and agentivity at the twenty-first Regional meeting, Chicago Linguistic Society*. Chicago, 1985. 241—251.

- Schlesinger 1995—*Schlesinger I. M.* Cognitive space and linguistic space: Semantic and syntactic categories in English. Cambr.; N. Y., 1995.
- Shapere 1960—*Shapere D.* Philosophy and the analysis of language // *Inquiry* 1960. V. 3. 29—48. Repr. // *The linguistic turn: Recent essays in philosophical method.* Chicago; L., 1967. P. 271—283.
- Starosta 1988—*Starosta S.* The case for lexicase: An outline of lexicase grammatical theory. L.; N. Y., 1988.
- Steinthal 1851—*Steinthal H.* Der Ursprung der Sprache im Zusammenhange mit den letzten Fragen allen Wissens: Eine Darstellung der Ansicht Wilhelm v. Humboldts, verglichen mit denen Herders und Hammans. Berlin, 1851.
- Störel 1997—*Störel T.* Metaphorik im Fach: Bildfelder in der musikwissenschaftlichen Kommunikation. Tübingen, 1997.
- Svorou 1994—*Svorou S.* The grammar of space. Amsterdam; Philadelphia, 1994.
- Talmy 1983—*Talmy L.* How language structures space // *Spatial orientation: theory, research, and application.* N. Y.; L., 1983. P. 225—282.
- Traugott 1978—*Traugott E. C.* On the expression of spatio-temporal relations in language // *Universals of human language: Vol. 3. Word structure.* Stanford (California), 1978. P. 369—400.
- Voßler 1904—*Voßler K.* Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft: Eine sprachlich-philosophische Untersuchung. Heidelberg, 1904.
- Vossler 1925—*Vossler K.* Geist und Kultur in der Sprache. Heidelberg, 1925.
- Welte 1995—*Welte W.* Sprache, Sprachwissen und Sprachwissenschaft: Eine Einführung; linguistische Propädeutik für Anglisten. F. a. M. etc., 1995.
- Welte, Rosemann 1990—*Welte W., Rosemann P.* Alltagssprachliche Metakommunikation im Englischen und Deutschen. F. a. M. etc., 1986.
- Wierzbicka 1996—*Wierzbicka A.* Semantics: Primes and universals. Oxford; N. Y., 1996.
- Yngve 1986—*Yngve V. H.* Linguistics as a science. Bloomington; Indianapolis, 1986.
- Zagzebski 1996—*Zagzebski L. T.* Virtues of the mind: An inquiry into the nature of virtue and the ethical foundations of knowledge. Cambr., 1996.